Следствие первое КОЛОБОК ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Однажды по радио в Москве передавали рекламу детского Краснопресненского парка. Диктор читал стихотворение:

Спеши сюда, не мешкай:

Здесь ослик есть

С тележкой,

Есть школа танцев в парке,

Кружок электросварки.

Здесь все, что

Людям надо:

Буфет, балет, эстрада,

Купальни для купанья,

И лодки для катанья.

Еще есть тир отменный,

Спортивный и военный.

И будьте в нашем тире

Как в собственной квартире.

На радость бабушек и дедов,

Здесь есть прокат

Велосипедов

И все радиослушатели, которые не выключили приемники, с удовольствием слушали. Одно сообщение было интереснее другого. Но особенно всех поразили такие строчки:

Там, где неведомые Д,

Есть неотложный ПДД.

Слушатели сразу задумались и стали спрашивать друг друга:

— Что это такое — «неведомое Д»? Не знаете? Жалко. А что такое — «неотложный ПДД»? Тоже не знаете? Тоже жалко.

Они звонили друг другу по телефону и выясняли этот загадочный вопрос. А все объяснялось очень просто. Неведомые Д — это Неведомые Дорожки. А неотложный ПДД — Неотложный Пункт Добрых Дел.

Да, в глубине парка на неведомых дорожках около фонтана стоял дом с вывеской:

НЕОТЛОЖНЫЙ ПУНКТ ДОБРЫХ ДЕЛ

Заведующий — Колобок.

Помощник заведующего — Булочкин.

Принимаются заявки на расследование пропаж, нарушений и небольших преступлений.

Разбираются ссоры и споры.

Телефон 217-218-219

Внутри дома, заложив руки за спину, нервно расхаживал сам Колобок, как небольших размеров тигр. Такой малогабаритный, игрушечный.

— Сегодня у нас будет много работы, — сказал Колобок. — Я это предвижу.

— Почему, товарищ начальник? — четко, по-военному, удивился Булочкин. Он был слегка военизирован — носил погончики на куртке и все делал строго по-армейски. — Есть какие-то неведомые причины?

— Потому что о нас только что по радио передавали. — И он с удовольствием повторил: — «Там, где неведомые Д, есть неотложный ПДД».

Только он это сказал, сразу зазвонил телефон.

— Слушаю! — сказал Колобок.

— Можно кого-нибудь из Колобоков? — спросил чей-то голос.

— Главный Колобок у аппарата.

— У нас в подъезде кто-то постоянно чертика рисует.

— Чем рисует?

— Всем рисует. Мелом рисует, углем рисует, стеклом царапает.

— На чем рисует?

— На всем рисует. На стенах рисует, на дверях рисует, на лифте царапает.

— Хорошо, — сказал Колобок. — Заказ принят. Принесите копию чертика. Отыщем преступного рисовальщика.

Только он положил трубку, вошел высокий гражданин очень элегантной внешности.

— Здравствуйте. Говорят, вы делаете чудеса.

— Стараемся, — скромно ответил Булочкин. — Служим делу. Которому служим.

— А что у вас? — спросил Колобок. — С чем вы пришли?

— Не можем сына оторвать от телевизора. Просто беда какая-то!

— Хорошо отрывали? — спросил Колобок. — Рыбками завлекали? На природу возили? К лыжному спорту приучали?

— Пробовали, — ответил гражданин. — Но все бесполезно. Он как загипнотизированный. Когда телевизор увидит — про рыбок, про лыжи, про все забывает. Вчера он на улице целый час стоял у витрины «Радиотоваров». «Увеличим поголовье кур» смотрел.

— Может, он хозяйственной птицей интересуется? — предположил Булочкин.

— Он «Спокойной ночи, малыши» интересуется. «Прогнозом погоды на завтра» интересуется. И даже циклом «Новый домостроительный комбинат — каждому городу» интересуется.

— Трудом воспитывали? — перебил гражданина Колобок. — Рабочее воспитание применяли?

— Применяли. Он картошку чистит без отрыва от телевизора. Полы моет тоже без отрыва от телевизора.

— Да, трудный случай! — задумался Колобок. Он снял с головы кожаную шляпу и вытер носовым платком лоб.

И тут у него на голове засверкала синяя милицейская лампа.

— И знаете, что интересно... — начал говорить посетитель. Но Булочкин остановил его:

— Когда он так сверкает, ничего говорить не надо. Начальник думает. Как перестанет сверкать — пожалуйста.

Как раз Колобок отсверкался.

— Вот что, — сказал он. — Сегодня к вам зайдет наш сотрудник в черной маске. Напугает всех пистолетом и совершит ограбление: вытащит из телевизора предохранители. Ваш телевизор умолкнет.

— Спасибо! — ответил элегантный папа. — Это прекрасный выход.

— Только проследите, пожалуйста, чтобы этот загипнотизированный ребенок нашего сотрудника утюгом не треснул.

— Не беспокойтесь, мы все утюги спрячем...

— И гантели, — добавил Булочкин.

— И гантели, — согласился элегантный папа. — Только...

— И сковородки, — перечислял Булочкин.

— И сковородки тоже. Только…

— И половники.

— И половники уберем, — пообещал родитель телемальчика. — Только выведите из строя телевизор. Мы будем очень счастливы.

Булочкин проводил папу до двери:

— И будильники спрячьте.

— Непременно. Одни шкафы останутся, — пообещал родитель телемальчика.

— Эх, — сказал Булочкин. — Нет у нас ни одного серьезного дела. Мой дедушка, парикмахер, часто говорил мне: «Будьте проще, и народ к вам потянется». Мы просты, мы очень просты, но никто не идет.

И тут послышался стук в дверь.

— Минутку! — сказал Колобок. Он сел за стол, взял в руки огромное увеличительное стекло и внимательно стал рассматривать какой-то окурок. — Войдите.

Булочкин распахнул дверь, и вошла пожилая гражданка молодежно-спортивного типа. С судками.

Колобок посмотрел на нее пронизывающими глазами.

— Вы очень взволнованы! — сказал он.

— Как вы догадались?

— У вас пальто наизнанку и на голове кашпо.

— Батюшки! — закричала гражданка, снимая с головы пластмассовую подставку для цветов. — Это действительно так. Я очень взволнована. У меня ребенок пропал, внук, дошкольник. Его украли.

— Дошкольник? — удивился Колобок. — Кому он нужен?

Мама-бабушка спортивного типа загремела кастрюлями:

— Как — кому? Такой дошкольник всем нужен. Это гениальный мальчик. Будущий ученый, скрипач! Будущий академик! Будущая гордость страны! Это же тысячи научных открытий.

— Значит, его похитили… — догадался Булочкин. — Утечка мозгов!

Бабушка ошарашенно посмотрела на Булочкина:

— Я и сама это подозревала. Его украли...

— Инопланетяне, — стал развивать свою мысль Булочкин. — Инопланетянщина. Летающие тарелки... Или еще хуже — летающие чайники.

Бабушка сразу согласилась с ним:

— Это дело рук летающих чайников. Смотрите, что я обнаружила на столе!

Она положила на стол перед Колобком записку. Он надел очки и стал похож уже не на мелкого тигра, а на уютную бабушку. Колобок прочитал, не отрываясь от увеличительного стекла:

«ПАЛАЖИТЕ ШЕСТ КАТЛЕТ ТРИ ПАКЕТ МАЛАКА И ОДИН ВИЛК НА БЕЛ. ПЛ. ОКОЛО НОВ. ГОР., А ТО ВАШЕМУ РИБЕНКУ БУДИТ ПЛ.»

— Видите, — сказала пожилая спортсменка. — Записка написана с явным незнанием языка. Наши так плохо писать не могут. Моего Лешу украли инопланетяне.

— Шеф, а зачем им понадобился шест? — спросил Булочкин.

— Это не шест, а шесть котлет, — ответил Колобок. — А вот что такое — БЕЛ. ПЛ.?

— Я думаю, это белый плов. Еда такая, — догадался Булочкин.

— Бедный мой Леша! — сказала гостья, и из ее глаз выкатились две крупногабаритные слезы.

— Не плачьте, гражданка... Как ваша фамилия?

— Четверухина... — ответила посетительница. — Вера Антоновна.

— Не плачьте, гражданка Вера Антоновна, — сказал Колобок. — Смело идите домой. Мы отыщем вашего Лешу. Вы правильно сделали, что пришли к нам.

— А продукты? — Бабушка растерянно посмотрела на кастрюли.

Тут вмешался Булочкин:

— Продукты смело оставляйте нам. Мы их будем смело исследовать. Вы пришли к нам, мы вам поможем!

Грустная-прегрустная Вера Антоновна отправилась домой. А Колобок и Булочкин сели за рабочий стол и начали мыслить.

В НПДД было тепло и уютно. Журчал чайник на маленькой электроплитке. Зеленую карту детского парка на стене тронули первые сумерки. За окном тихо падали большие парковые листья.

— Хотелось бы знать, чем объект обычно занимался в течение дня, — высказал свое желание Колобок.

— Научная работа! Спорт! — предположил Булочкин. — Посещение библиотек.

— Хорошо бы знать точно.

— Шеф, — сказал Булочкин. — У меня есть идея. Давайте отправим меня в командировку на место проживания объекта. С заданием изучить его обычный день. Я бы все выяснил: что он ел, где он был и как его могли украсть. Свидетелей бы опросил.

— Прекрасная, светлая мысль! — решил Колобок. — Отправляйтесь на место проживания объекта. Вот вам радиопереговорное устройство. О каждом шаге докладывайте.

Булочкин взял передатчик и стал надевать пальто шинельного типа.

— Сверим часы, шеф.

— Сверим.

Их часы шли нога в ногу. Булочкин твердым, решительным шагом направился по адресу пропавшего малыша. Колобок продолжал размышлять.

Он разложил на столе судки и продукты, которые принесла спортивная бабушка, и погрузился в раздумье.

— Здесь шесть штук котлет и одна вилка. Значит, похитителей шестеро. Вилка для главаря.

Погруженный в размышления, он незаметно для себя съел котлету. В это время раздался сигнал радиопередатчика. Из него донеслось:

— Я Булочкин. Я Булочкин. Прибыл на место проживания объекта. Гражданка Четверухина настаивает на укладывании в дошкольную кровать. Производить укладывание?

— Производите, производите, — распорядился Колобок.

И Булочкин, не споря, быстро нырнул в дошкольную кровать. Она была ему несколько мала, но он привык к суровым неожиданностям жизни. А бабушка Четверухина уютно пела ему:

Спи, моя радость, усни.

В доме погасли огни.

Птички умолкли в саду.

Рыбки уснули в пруду.

— Гражданка Четверухина, разрешите уточнить, — спросил Булочкин, — в какое именно время в саду замолкли птички?

— В двадцать один ноль-ноль! — давала показания бабушка.

— Запомним! — твердо решил Булочкин. И быстро уснул. Комната похищенного дошкольника Четверухина наполнилась чернотой ночи.

А Колобок не спал. Он думал:

— Почему три пакета молока? Почему три? Ключ в этих пакетах.

Он достал ножницы, разрезал пакет и налил молоко в стакан.

Потом посмотрел на него через увеличительное стекло. Молока стало больше. Машинально Колобок съел еще одну котлету. И тут его осенило:

— Один человек может съесть две котлеты. Значит, их трое. Вот почему три пакета. Вот в чем секрет.

Утомленный, он задремал, положив голову на стол. Но спал он недолго. Рано утром заговорил радиопередатчик на столе.

— Алло, Колобок? Это я, Булочкин. Произвожу вставание. Гражданка Четверухина предлагает бежать трусцой вокруг квартала. Какие будут указания?

— Трусите… То есть трусците… В общем, делайте все, что положено. Мы должны исследовать весь режим дошкольника от утра до глубокой ночи.

Булочкин и Вера Антоновна побежали. Сумерки лежали над кварталом. И Булочкин увидел, как много в городе ночных спортсменов. Они были в самых разных одеждах. Одни бежали в ботинках,

другие в шлепанцах на босу ногу. И бежали они с разной скоростью и во все стороны.

Пробежав около километра, Булочкин и Вера Антоновна прибежали домой завтракать.

Завтрак был простой: мягкий хлеб, две котлеты и молоко.

— Мой Леша очень любил молоко! — сказала бабушка, подавая Булочкину передничек в горошек и очень симпатичный слюнявчик.

— А яйца всмятку он не любил? — намекнул Булочкин. — Или кашу рисовую?

— Терпеть не мог, — ответила бабушка.

— А сосиски? — продолжал свою линию Булочкин.

— Никаких сосисок! — сказала бабушка. — От них бывает потолстение. Уж в крайнем случае кефир.

После завтрака Булочкина повели в сквер в группу с английским языком. И он с большим интересом присоединился к десятку малышей в ярких и разных комбинезонах. Дети в группе все были вежливые, хорошо воспитанные, но какие-то кислые. Они разговаривали примерно так:

— Мальчик, мальчик, вы мешаете мне идти. Можно я стукну вас лопаткой?

— О, я буду просто счастлив!

— Маруся, Маруся! — строго говорила воспитательница с английским акцентом. — Прекратите вашу лопаточную агрессию.

Булочкин передал Колобку по рации:

— Алло, алло! Это я — Булочкин. Похищение ребенка из сквера летающим чайником невозможно. Вокруг отдыхают пенсионеры. Отобьют.

— Вас понял, — ответил Колобок. — Следуйте дальше по режиму дня.

Сам Колобок сидел в НПДД и рассматривал котлету под микроскопом. В волнении он съел ее.

— Почему одна вилка? Почему одна вилка?

Тут ему в голову пришла простая мысль:

— Если я съел три котлеты, то и эти люди могут съесть каждый по три котлеты. Значит, их двое: мальчик и похититель. Вилка для похитителя. Ребенка он заставляет есть руками. Круг сужается.

А Булочкин уже был в музыкальном классе, где похищенный Леша приучался к большому искусству. Булочкин тоже играл на флейте. Не отрываясь от инструмента, он изредка спрашивал у строгой преподавательницы:

— Подходы у вас простреливаются? Места для посадки летающих чайников есть?

Преподавательница отвечала:

— Не отвлекайтесь, обучаемый. Все разговоры после того, как вы освоите гаммы. При чем тут летающие чайники? Вас должен интересовать полет шмеля.

Рядом с Булочкиным упоенно дули в обе щеки два мальчика. Они ему отвечали:

— Подходы у нас просматриваются, фью-фью. Чайники у нас не летали, фью-ю-ю-фр!

Только суровая, почти армейская дисциплина смогла удержать Булочкина у флейты. Он просидел как приклеенный около часа.

Преподавательница даже сказала Вере Антоновне:

— Ваш мальчик явно делает успехи! Он стал усидчивым.

Хотя Булочкин был далеко не мальчик, а человек средних лет.

Видно, музыка настолько захлестывала учительницу, что она, кроме нот и клавиш, ничего другого просто не замечала.

В конце концов Булочкин положил флейту на пюпитр и на цыпочках подошел к окну. Он слез вниз по водосточной трубе. Осмотрелся и увидел Веру Антоновну.

— Куда теперь? — спросил он у спортивной бабушки.

— Фигурное катание! — ответила она. — Каток юных пионеров.

Все дальнейшее Булочкин помнил как во сне.

Они пришли на стадион. Булочкину вручили фигурные коньки. И пока бабушка в группе других родителей узнавала последние московские новости, Булочкин с детьми тренировался на будущего чемпиона мира.

— Делаем приседания, — говорила девушка-тренер. — Идем гусиным шагом.

Булочкин присел, а идти гусиным шагом уже не мог. Потому что он просто сидел на льду.

— А теперь делаем ласточку! — приказала девушка. — Новенький, новенький, когда делают ласточку, руками за лед не держатся.

Дети яркими пчелками катались вокруг Булочкина, а он никак не мог оторваться ото льда. Наконец на лед выбежала Вера Антоновна и утащила его в раздевалку.

И тут его вызвал по рации Колобок:

— Булочкин, Булочкин, спроси, пожалуйста, у бабушки, что любил есть внук Леша?

— А чего тут спрашивать, — ответил Булочкин. — Молоко и котлеты. В крайнем случае кефир.

— Отлично. Продолжайте исследовать режим. А почему я слышу треск? — спросил Колобок. — Это что, радиопомехи?

— Нет. Это я на стенку налетел.

— Ничего, держитесь! — приказал Колобок и выключил рацию.

— Что нам еще осталось? — спросил Булочкин, пытаясь снять конек.

— Рисование. Шедевры мировой культуры. Бассейн.

— И где эти шедевры? — спросил Булочкин.

— Во Дворце пионеров.

— Шедевров не будет! — решительно сказал Булочкин. — Отменяются. Из Дворца пионеров мальчика похитить не могли. Руки у чайников коротки, вернее, носики. Держим путь прямо в бассейн. По дороге Булочкин все выведывал у Веры Антоновны: глубоко ли в бассейне, есть ли там спасательные круги.

Боевой друг Колобка не умел плавать.

Вера Антоновна спросила:

— Сегодня у нас понедельник?

— Понедельник, — ответил Булочкин.

— Какая радость! — сказала Вера Антоновна. — Значит, Сергей Сергеевич свободен.

— А кто это — Сергей Сергеевич? — насторожился Булочкин.

— Учитель высшей математики. По дороге зайдем к нему на пару часиков. Будем решать задачи.

У Булочкина потемнело в глазах. Ему захотелось назад к Колобку — задерживать нарушителей дисциплины, перебираться по веревке через пропасти, исследовать копии чертиков.

Но отступать он не любил.

Тем временем в НПДД Колобок успешно исследовал котлеты. Их не осталось ни одной.

— Но если я один съел все котлеты, их мог съесть и этот инопланечайник… который похитил. То есть тот, которого похитили.

Сначала у Колобка в голове все затуманилось, а потом прояснилось. Все стало ясно. Именно в это время дверь НПДД распахнулась, и в комнату влетел Булочкин. На нем были ласты и плавки. В руках он держал пальто шинельного типа, куртку с погончиками и остальную одежду.

— Шеф, — сказал он. — У меня версия. Никакого мальчика вообще не было. Ни один нормальный ребенок не может выдержать такой жизни. Он от нее сбежит.

Только Булочкин закончил фразу, в НПДД вбежала Вера Антоновна.

— Караул! Украли! Все пропадает.

— Кого украли? — спокойно спросил Колобок.

— Вашего Батончикова.

— У нас нет такого сотрудника, — ответил Колобок.

— Значит, Ватрушкина.

— И такого нет.

— Значит, Курочкина.

— Вы хотите сказать, Булочкина, — вышел Булочкин из угла.

— Да, именно его украли.

— Как видите, он нашелся, — твердо сказал Колобок. — Скоро и вашего Лешу найдем. Осталось только выяснить, что это такое — БЕЛ. ПЛ. ОКОЛО НОВ. ГОР.?

— Я же говорил — это белый плов, — сказал Булочкин.

— Нет. Я думаю, это совсем другое.

Колобок наклонился к Булочкину и сказал ему на ухо:

— БЕЛ. ПЛ. — это белая плита. А НОВ. ГОР. — это новый горнист. Я недавно видел одного НОВ. ГОР. у одной ЛОД. СТАН.

— Где, где? — переспросил Булочкин.

— У одной лодочной станции.

Колобок повернулся к посетительнице.

— Гражданка Четверухина, вы остаетесь за старшую. Мы идем на операцию.

— А кого будут оперировать? — испуганно спросила Вера Антоновна. — Вы что — еще и врач?

— У нас версия, бабуся, — успокоил ее Булочкин. — Идти на операцию — значит кого-то задерживать. Давайте ваши кастрюли.

— Ничего не понимаю, — заволновалась бабуся. — Кого вы будете задерживать кастрюлями?

— Одного ПЛ. МЛ. То есть плохого мальчика.

— Отставить разговоры! — приказал Колобок. — Ждите нас, и мы вернемся. С поста никуда не уходить. На телефонные звонки отвечать. Вот вам рация. Если она заскрипит, нажмите кнопочку.

Они распахнули дверь и скрылись в вечереющем воздухе.

В парке быстро темнело. И он быстро опустел. Только шуршали ежи на аллеях. Бабушки и деды сдавали велосипеды, которые они брали напрокат. В кружке электросварки догорали последние электроды. Ослик с тележкой был уже осликом без тележки. Его на поводке вел домой маленький осликовый ямщик.

— Шеф, — сказал Булочкин. — Если будет опасность, я вас прикрою.

— Опасностей не будет, — ответил Колобок. — Будет сырость. И надо прикрываться одеждой.

Поэтому они зашли в мастерские парка и вытащили из шкафчиков две телогрейки. В этой одежде они ничем не отличались от парковых ночных сторожей.

— А теперь к лодочной станции, — сказал Колобок. — Будем сидеть в засаде около нового горниста.

Они поставили на БЕЛ. ПЛ. (на белую плиту) кастрюли из-под котлет и последний пакет молока. Сами забрались в кусты и залегли. Тихо тикали сверенные часы. Кружились звезды. Колобка никто не трогал. А Булочкину не везло. Его кусали то комары, то муравьи. На него садились летучие мыши. Изредка по нему пробегали ежи.

— Внимание! — вдруг сказал Колобок. — Слышите?

— Что? — спросил Булочкин. Потому что он слышал множество разных звуков и шумов: звук тормозящего трамвая за забором парка, звуки музыки с танцплощадки, звук метлы дворника, подметающего парк, лай собаки, голос человека: «Развели тут собак!» и т. д.

— Весла плещут! — сказал Колобок.

И Булочкин точно услышал плеск весел и лишний раз поразился умению Колобка выделить из тысячи звуков самый нужный.

Послышался стук лодки о причал, и кто-то стал карабкаться вверх по склону берега.

— Когда он подойдет, задержите, — приказал Колобок. — Это Леша.

— Намек понял, — шепотом ответил Булочкин.

— Это не намек. Это приказ.

Сам Колобок отполз в сторону и исчез. Булочкин собрался, как стальная пружина перед взрывом.

Он увидел, как к БЕЛ ПЛ. около горниста подобралась какая-то тень. Она нагнулась, одной рукой взяла кастрюлю из-под котлет, а другой взяла пакет молока. Тень зубами надорвала пакет и стала пить молоко.

Под луной стояли две скульптуры: мальчик с горном и мальчик с пакетом.

Булочкин пружинистым прыжком вылетел из кустов и сказал:

— Ваша игра проиграна! Руки вверх!

Мальчик с пакетом от неожиданности вздрогнул, закричал: «Мама», стукнул Булочкина кастрюлей и полетел вниз к воде.

У Булочкина засверкало в глазах. Чтобы не упасть, он ухватился рукой за нового горниста. Постоял секунду, потом бросился вниз, в погоню. В два прыжка он достиг берега и кубарем рухнул вниз.

Он хотел сказал: «Стой. Держи его!»

Но получилось:

— Ой… буль-буль его!

Раздался плеск весел, и лодка с мальчиком отошла от берега.

«Ничего, далеко он не уйдет! — подумал Булочкин, погружаясь в воду. — Наше озеро круглое! Мы его выловим!»

А мальчик Леша тем временем сказал:

— Кажется, я ушел. Это была засада. Но вдруг сзади него в лодке поднялся Колобок. Он снял кожаную шляпу, и засверкала милицейская лампа.

— Кажется, вы не ушли. Кажется, вы задержаны. Весла вверх!

Колобок сам сел на весла и повел лодку к берегу. Еще секунда — и они уперлись в Булочкина.

— Поздравляю, шеф!

— Будем проводить опознание, — сказал Колобок. Он включил рацию и вызвал Веру Антоновну. Потом осветил Лешу фонарем. — Алло, алло, это я — Колобок. Вы меня слышите?

— Слышу, — ответила Вера Антоновна.

— Скажите, у вашего мальчика глаза голубые?

— Голубые.

— Нос с веснушками?

— С веснушками.

— Удочка у него складная японская?

— Складная японская.

— Значит, этот мальчик ваш. Ждите, через десять минут доставим.

Колобок и Булочкин привязали лодку к пристани и пошли вместе с мальчиком в НПДД. По дороге Булочкин говорил и горевал:

— И чего не живется современной молодежи? И рысцой они бегают, и в английскую группу ходят, и на флейте играют.

— Однако один мой сотрудник не выдержал такой жизни, — заметил Колобок.

— Так я же взрослый. Мне это ни к чему.

— А по-моему, каждый ребенок взрослый, — сказал Колобок.

И Леша с ним согласился:

— Правильно, дядя Колобок.

В НПДД бабушка Вера Антоновна бегала из угла в угол и говорила:

— Я ему то, я ему се. А он... Я с ним бегаю, я с ним плаваю. Вся моя молодость прошла в песочнице...

— Как будем наказывать? — спросил Колобок у бабушки.

— Его надо посадить.

— Как посадить?

— Посадить за стол и заставить съесть все котлеты, которые я ему принесла.

— Нет, — сказал Колобок. — Это невозможно. Потому… потому… что я их…

— Потому что котлеты будут подшиты к делу! — закончил за него Булочкин.

— Верно, — согласился Колобок. — Я попрошу мальчика пройти в угол предварительного заключения и постоять там.

Он показал Леше на угол в комнате, отгороженный деревянными перилами, и мальчик направился туда.

— Я с ним, — решительно сказала бабушка.

— Но мы не можем, чтобы женщина… — сказал Булочкин.

— Можем, можем, — возразил Колобок. — Пусть постоит. В конце концов, они оба виноваты.

Уже начинало светать. Карту детского парка на стене постепенно охватывал дневной свет. Начинался новый рабочий день.

Следствие второе ПОХИЩЕНИЕ ВЕКА

Колобок был сова, а Булочкин — зяблик. Но Колобок был начальник, и поэтому они больше любили работать по вечерам. Только не думайте, что днем они не работали. Они работали и днем, и вечером, и утром… Просто больше всего они любили работать вечером.

Сегодняшний вечер был вялым и теплым. Телефон звонил редко — один раз в час.

Вот он опять зазвонил вялым безынициативным звонком. Булочкин немедленно цапнул трубку:

— Алло! Аппарат Колобка у аппарата! — бодро сказал он, пытаясь вдохнуть жизнь в вялое течение событий. Но ничего не вышло. Трубка сказала вялым женским голосом:

— Это НПДД?

— Так точно!

— НПДД, НПДД, у нас на чердаке кошка мяучит музыку Шаинского, а мы с внучкой Бетховена разучиваем. Помогите!

— Заказ принят! — сказал Булочкин. — Кошку поймаем и переучим. Сообщайте адрес.

Он записал адрес в книгу заказов и спросил Колобка:

— Шеф, можно отправляться?

— Подождите, Булочкин, еще не вечер! — сказал Колобок, хотя уже был вечер. — Думаю, что сегодня будут более интересные дела.

И точно — телефон зазвонил более инициативно.

— Колобок, Колобок, — сказал мужской голос, — у нас пропала собака.

Колобок подвинул к себе печатную машинку:

— Давайте словесный портрет.

— Чей?

— Собаки, разумеется.

— Собака породы овчарка, — начал голос, — высокая, средней лохматости. По окраске брюнето-шатенка. Повышенной зубастости. Имеет шесть медалей. Охраняла здание вместе со сторожем. Кличка Рекс. Сторож тоже пропал.

Колобок все это быстро напечатал.

— Давайте словесный портрет.

— Чей? — спросил голос.

— Сторожа.

— Высокий, с уклоном в лысизм. Зовут дядя Коля. Характер рязанский, покладистый. Имеет сына десяти лет. Сын тоже пропал. Дать словесный портрет?

— Достаточно, — сказал Колобок голосу. — Мне все ясно. А кем вы ему доводитесь?

— Кому — сыну или сторожу?

— Рексу! Пропавшей собаке.

— Я — директор учреждения. Дать словесный портрет?

— Спасибо, не надо. Я все понял. Товарищ директор, берите свою жену и детей и поезжайте в наш парк. Сегодня здесь выставка служебно-сторожевых собак. Здесь вы найдете и вашего сторожа, и вашего Рекса.

Человек в телефоне ужасно обрадовался и долго повторял:

— Спасибо, товарищ Колобок. Спасибо, товарищ Колобок.

— Пожалуйста, товарищ директор склада, — сказал Колобок и повесил трубку.

Но телефон моментально зазвонил снова:

— А как вы догадались, что я директор склада? А не директор музея или театра?

— Очень просто. Театры у нас пока не охраняют собаки повышенной зубастости. Привет вашему дяде Коле.

Булочкин, как всегда, был потрясен железной логикой железного Колобка. Он взял книгу заказов и вписал туда, как было раскрыто это таинственное исчезновение, как была найдена сторожевая собака, буквально в присутствии заказчика. И даже более того, буквально без присутствия заказчика.

Но Колобок был недоволен:

— Это все семечки! Ничего интересного. Но чует мое сердце — где-то зреет серьезное преступление.

И оно зрело. Созревало и наливалось. В это время в другом конце города…

В это время в другом конце парка по аллее шел мороженщик. Каких много. Обыкновенный труженик тележки. Но шел он без тележки и громко кричал:

— Караул! Преступление века!

Прохожие с любопытством смотрели на него. И он кричал дальше:

— Похищено сто пачек мороженого! Ограбление пенсионера. Милиция бессильна.

— Почему? — спрашивали прохожие.

— Они не очень любят мороженое. Если бы пельмени пропали…

И он гордо шел дальше в направлении НПДД, сообщая всем о происшедшем. Человек изъяснялся с людьми как бы заголовками газет:

— В городе действует организация!

— Сегодня мороженое, завтра — «Дом игрушки».

— Планета спрашивает: «Кто будет отвечать?»

Крико-вопли все больше приближались к НПДД, где нервно разгуливал Колобок в ожидании крупного дела. Он был в безрукавке, в мягких валенках, сделанных на заказ, в теплой кепке, потому что приближалась осень.

И вот на пороге возник мороженщик:

— Я говорю от имени тружеников планеты Земля! Мороженого больше не будет!

— А что? — спросил Колобок. — Закрыли ваш хладокомбинат?

— В городе действует шайка! Милиция бессильна.

— Будем вооружать население! — спокойно и с достоинством ответил Булочкин, показывая мороженщику, что есть… имеется выход, что не все еще потеряно.

— Фамилия? — строго спросил Колобок.

— Я — труженик планеты Земля.

— Фамилия, — повторил Колобок.

— Коржиков.

— Рассказывайте все по порядку, товарищ Коржиков, — приказал Колобок.

— И обращайте внимание на подозрительные подробности, — добавил Булочкин.

— Хорошо, — сказал мороженщик. — Дело было так. Светило солнце. Я шел и продавал мороженое. Кругом гуляли покупатели, целая улица покупателей.

— А подозрительные подробности? — напомнил Булочкин.

— Хорошо, — понял мороженщик. — Светило подозрительное солнце. Дул подозрительный такой ветер. Кругом гуляли подозрительные типы. Целая улица типов.

— Иностранных инопланетян не было?

— Были, — сразу согласился мороженщик. — Были подозрительные иностранные планетяне, замаскированные под наших неподозрительных прохожих.

— А дальше? — спросил Колобок.

— Вдруг замяукал подозрительный котенок. Я подозрительно пошел за ним. И кто-то украл мою подозрительную тележку.

Колобок выслушал все это и сказал:

— Еще раз, пожалуйста, все расскажите. Только подробнее, пожалуйста.

— Хорошо, — согласился мороженщик Коржиков. — Светило такое подробное солнце. Дул такой подробный ветер. Кругом подробно гуляли такие подробные прохожие. Потом замяукал такой подробный котенок. Я подробно за ним пошел. И кто-то украл мою подробную тележку.

— Не густо! — сказал Колобок.

— Точно! — согласился мороженщик. — Светило такое негустое солнце. Дул негустой такой подозрительный ветер. Кругом негусто гуляли такие негустые прохожие. Потом замяукал такой негустой котенок. Я негусто так пошел за ним, и кто-то украл мою йегустую тележку.

— Ну что? — спросил Колобок у Булочкина.

— Туманно, шеф! — сказал тот.

Мороженщик тотчас же согласился:

— Светило такое туманное солнце. Дул такой туманный ветер. Кругом туманно так прогуливались прохожие. Потом замяукал такой затуманенный котенок. Я затуманенно пошел за ним. И кто-то в тумане украл мою тележку. Что теперь будет?

— Все будет в порядке, — сказал Колобок. — Дело поручаем лучшему специалисту. Булочкин, на выход.

— Есть! — ответил Булочкин. — Сверим часы.

— Сверим.

Все стали сверять часы. Часы Колобка и Булочкина бились секунда в секунду, а часы мороженщика остались лежать в тележке, в ящике для сдачи и денег.

— Куда сдать котенка? — спросил мороженщик.

— Какого котенка? — спросил Колобок.

— Которого я нашел на месте преступления, — сказал Коржиков. Он вынул из кармана фартука замечательного рыжего котенка.

Колобок посмотрел на котенка в увеличительное стекло.

— Сибирский! — сказал он.

— Может быть, преступник из Сибири? — предположил Булочкин. — И надо его оставить в деле.

— Забирайте его с собой! — приказал Колобок. — Может, он наведет вас на след.

Булочкин и мороженщик ушли. Опускавшееся за парк солнце заливало все золотом. Солнечный луч, попавший в затылок Колобка, наполнил его желтым свечением. Колобок напоминал подсвеченную изнутри головку сыра и чувствовал себя неловко.

Он задернул шторы, взял в руки балалайку и заиграл. Все, кто давно знал Колобка, поняли — Колобок Думает. И затихло все вокруг НПДД.

Тем временем Булочкин и Коржиков приблизились к месту пропажи. В голове у Булочкина вертелись последние слова Колобка: «Он может навести вас на след». Поэтому он попросил у мороженщика котенка, пустил его на землю и приказал: «След!»

Котенок с места в карьер пробежал сто метров к ближайшей урне, сел и стал жевать селедочный хвост около нее.

— Ты неправильно нас понял, — сказал Булочкин. — Нам не нужна селедка. Нам нужна тележка.

Котенок с места не двигался и усиленно хрустел хвостом.

Вдруг мороженщик схватил за руку Булочкина:

— Смотрите!

По аллее шла дворничиха с метелкой и толкала перед собой тележку с мороженым.

— Это моя тележка! — сказал Коржиков.

Булочкин включил походную рацию:

— Колобок, Колобок, мы вышли на преступника. Будем брать.

— Берите, — шепотом сказал Колобок. — Но острожнее, смотрите, чтобы не взяли вас.

— Преступник-ца вооружен! — тихим лозунгом сказал Коржиков Булочкину.

— Чем вооружен? — переспросил Булочкин.

— Метлой вооружен, — ответил мороженщик.

— Будем брать вместе с метлой! — решительно сказал Булочкин. — Применяю отвлекающий прием.

Он подошел вплотную к дворничихе с тележкой и сказал, показывая на небо:

— Смотрите, лопаты летят!

— Какие лопаты? Почему летят? — удивилась дворничиха и стала внимательно изучать небо.

В эту секунду Булочкин пристегнул ее цепочкой с почтовым замком к ручке тележки. Такими цепочками сельские велосипедисты приковывают свои велосипеды к поручням магазинов.

— Колобок, Колобок! — сразу же сообщил он в радиотелефон. — Опасная преступница задержана.

— Ваша игра проиграна! — обернулся он к дворничихе. — Будем вас сдавать в милицию.

— Какая игра? — удивилась дворничиха. — Я и сама шла сдавать эту тележку в милицию.

— Булочкин, Булочкин, немедленно освободите эту блондинку в очках и принесите ей извинения.

Булочкин счастливо оторопел. Вот это да! На таком расстоянии Колобок узнал, что дворничиха — блондинка. Он отстегнул дворничиху и произнес в микрофон:

— Продолжаем расследование.

— Ой! — вдруг сказала женщина Булочкину и Коржикову. — Смотрите, лопаты повернули и назад летят.

— Какие лопаты? — удивились потерпевший и расследующий. — Зачем повернули?

— Чтобы проучить кое-кого! — ответила дворничиха и махнула метлой по ногам двух мужчин. Они оба рухнули, как подкошенные.

— Продолжаем работу, — сказал неунывающий Булочкин.

— Работа продолжается! — оформил его мысль в лозунг мороженщик Коржиков. — Несмотря ни на что!

Они встали на ноги, и Булочкин приступил к осмотру тележки и составлению версий.

— Начинаем предварительный досмотр. Тележка цела? Колеса на месте?

— На месте, — ответил мороженщик Коржиков. — А где же им быть? Кому они нужны, такие кривоногие?

— Вы мне вопросов не задавайте, — одернул его Булочкин. — Отвечайте четко по-военному: «Так точно». Повторяю: «Тележка цела? Колеса на месте?»

— Так точно, по-военному. Кому они нужны, такие кривоногие?

— У вас есть версии?

— Так точно. Никаких.

— А у меня есть. Сразу видно, что вы не в нашей системе работаете. Скорее всего действовала шайка. Интересно, сколько их было. Сколько мороженого исчезло?

— Пятьдесят пачек. Остальные здесь, — ответил мороженщик. — И еще здесь лежит треугольная пуговица с двумя дырочками, металлический рубль и вязаная шапочка с помпончиком.

Булочкин включил рацию и доложил обо всем Колобку.

— Продолжайте поиски, — сказал Колобок. — Я буду разрабатывать свою версию.

Все ниже к закату склонялось подозрительное солнце. В парке стихало, и все сильнее слышен был шум города. Подозрительные прохожие покидали парк вместе с подозрительными детьми. Булочкин думал.

— Тележка отсутствовала полчаса. Сколько пачек мороженого может съесть один человеко-преступник за это время?

— Так точно, не знаю! — сказал мороженщик.

— Нужно узнать. Выяснив это, мы узнаем, сколько человеко-преступников было. Проведем следственный эксперимент.

— Можно принять участие в эксперименте? — спросил Коржиков.

— Вы все продумали?

— Все.

— Тогда разрешаю. Сверим часы.

Часы Булочкина показывали семь часов, часы Коржикова замерзли и ничего не показывали из-за инея. Тем не менее эксперимент начался. Надо было выяснить, сколько было человек — расхитителей государственного мороженого?

Освещенные подозрительным солнцем, Булочкин и Коржиков ели мороженое.

А Колобок играл на балалайке в уютном НПДД.

— Шапочка в тележке, что бы это значило?

Под веселую мелодию плясали комары на светлом окне. Телефон молчал. Очевидно, собака повышенной зубастости нашлась вместе со своим брюнето-шатеновым сторожем. И тут Колобка осенило. Он включил переговорное устройство.

— Булочкин, Булочкин, что у вас на голове?

— Кепка, шеф. Фуражного типа.

— Очень хорошо. Попробуйте достать из тележки эту самую вязаную шапочку.

— Слушаюсь, шеф.

Послышался треск открываемой дверцы, потом голос Булочкина:

— Готово, шеф.

— Так. Что теперь у вас на голове?

— Вязаная шапочка, шеф.

— Почему?

— Потому что фуражка упала в тележку.

— Отлично, Булочкин. А как с вашими пуговицами? Все на месте?

— Нет, шеф, одна оторвалась и тоже упала.

— Спасибо, Булочкин.

— Можно продолжать эксперимент?

— Можно, продолжайте.

И Булочкин с Коржиковым смело углубились в мороженое.

— Я уже три пачки съел, — сказал Булочкин.

— А я четыре, — сказал Коржиков. — У меня опыта больше.

— Что-то стало холодать! — сказал Булочкин.

— Что-то стало нагреваться! — сказал Коржиков. — У меня жар!

— А у меня озноб!

— Мы заболели. Гибель на трудовом посту! — стал выкрикивать мороженщик. К нему вернулось газетно-заголовочное состояние. — Они не вернутся! Их было двое! Люди жертвуют собой!

Булочкин включил рацию:

— Колобок, ты слышишь нас?

— Внимание, — отвечает Колобок. — Вызываю для вас «скорую помощь». Держитесь.

Булочкин и Коржиков взялись друг за друга. Булочкин сурово молчал, а Коржиков выкрикивал:

— Эксперимент не удался! Их ждет больница! Планета плачет!

Он даже выкрикнул один лозунг, явно опережающий события:

— Медицина бессильна! Им поможет только чудо!

В парк въехала «неотложка» с красным крестом на верхней фаре, и наших больных увезли.

И вот уже тихая больничная палата. Не совсем тихая, потому что Коржиков постоянно кричит:

— Колобок о нас забыл! Преступники на свободе! Мороженщики всего мира протестуют! Мы погибаем в больницах, а кое-кто даже не думает о нас!

И тут дверь в палату распахнулась и вошел Колобок. Он был в белом халате и в тапочках на босу

ногу, с трубкой.

— Колобок ни о ком не забывает. Он знает все.

— Да?! — закричал неуемный Коржиков. — А где же преступники?

— Преступники вокруг нас, — ответил Колобок. — Посмотрите, кто лежит на соседних койках.

И сразу на всех соседних койках встали мальчики:

— Мы больше не будем! — сказали они сиплыми голосами.

— Попались! — закричал мороженщик. — Как же вам не стыдно бесплатно брать государственное мороженое?

— А мы не бесплатно, — сказали мальчики. — Мы рубль положили.

— И котенка!

— Ха-ха-ха! — сказал Коржиков. — Это планета смеется. Но котят еще в банк не принимают! Живая валюта — нужна ли она нам?!

— Нас теперь арестуют? — спросили мальчики.

— Ни за что! — сказал мороженщик Коржиков. — Раз вы признались, я за вас заплачу. Но котенка я вам не отдам. Я к нему прирос. Продавцы покидают больницы! План ведет нас в путь!

Он быстро выздоровел и оделся. И ушел. Колобок и Булочкин ласково смотрели ему вслед и думали: «Как хорошо, что ему хорошо. Значит, не зря мы несем тяжелую вахту. Пусть всегда будет солнце».

На своих кроватях сидели исправившиеся мальчики и восторженно смотрели на знаменитого Колобка.

— Шеф, — спросил Булочкин. — А как вы догадались, что дворничиха — блондинка в очках?

— Очень просто, — сказал Колобок. — Мой метод — внимание плюс память. Она же у нас в парке шестой год работает. Ее фотография на доске Почета у входа висит. Рядом с моей, между прочим, товарищ Булочкин.

Следствие третье ОГРАБЛЕНИЕ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ

Однажды в комнате знаменитого Колобка телефон зазвенел как-то особенно тревожно. Все побросали свои важные дела и стали слушать, что говорит Колобок. А разговор Колобка с телефонным посетителем был таков:

— Алло! Это НПДД?

— Так точно. НПДД у телефона.

— С вами говорят из Третьяковской галереи. Можно позвать к аппарату знаменитого Колобка.

— Знаменитый Колобок у аппарата.

— Колобок, Колобок, здесь один подозрительный тип хочет украсть картину.

— Почему вы так решили?

— Потому что он несколько дней крутится рядом. Заглядывает в окна, залезает в подвалы, осматривает крышные подходы. А когда он проходит мимо, он подозрительно звенит.

— Объясните отчетливее. Что значит подозрительно звенит?

— Отмычки!

— Намек понял. И что вы хотите?

— Возьмите его с поличным. Хорошо?

— Хорошо, да не очень. На это у нас милиция. Обратитесь, пожалуйста, к ней.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что я и есть милиция. Меня зовут милиционер Спицын.

— Вот и возьмите его с поличным.

— Не могу. Я дежурю только до шести. А после шести никого нет, милицейский пост закрывается.

— Да? А прихватить пару часиков после любимой работы для любимой работы?

— Не могу. После любимой работы я иду в любимый университет философизма. Мы, милиционеры, должны быть образованными людьми. Нас на это нацеливают.

— Спасибо, — сказал Колобок. — Сигнал принят. Будем работать.

Он положил трубку, но еще долго ворчал. Ворчала и лаборантка Колбочкина:

— Их на это нацеливают. Лучше бы их нацеливали по мишени стрелять. Или народные Третьяковские галереи беречь.

— Товарищ Колбочкина, — строго сказал Колобок, — не будем терять время на обсуждение действий милиции. Лучше займемся составлением плана по спасению дорогих народных картин, по захвату подозрительных преступников. Какие будут предложения?

— Спасти и захватить! — предложил Булочкин.

— Но как?

— Мое дело — предложить идею, — сказал Булочкин. — А как — это уже детали.

— Колобок, а что если нам взять и самим украсть эту картину, — предложила инициативная Колбочкина. — Им и воровать будет нечего.

— Интересная мысль! — сказал Колобок. — Борьба с хищениями при помощи хищений.

Так Колобок иронизировал. Но буквальный Булочкин не понял иронии.

— Шеф, — сказал он. — Эта мысль трудновыполнимая.

— Почему, Булочкин?

— Мы же не знаем, какую картину он хочет украсть.

— По-моему, мы зря теряем время! — сказал Колобок. — Чтобы составить план, мы прежде всего должны побывать на месте будущего преступления.

— Это где, шеф?

— В Третьяковской галерее.

Каждому, кто хоть раз бывал в Москве, знакомо здание Третьяковской галереи — оно находится рядом с кинотеатром «Ударник». Колбочкина, Булочкин и Колобок подошли к нему без пятнадцати шесть. Около входа в галерею, из которого выходили последние посетители, стоял грустный милиционер Спицын. Колобок подошел к нему:

— Здравствуйте, я — Колобок. Вот мое удостоверение.

— Очень приятно, — сказал милиционер, рассматривая красную книжку Колобка. — Но я почему-то думал, что оно у вас круглое.

— А у товарища Булочкина оно имеет форму батона! — ответил на это Колобок. — Только мне сейчас не до шуток. Показывайте, где наш предполагаемый преступник.

— Вон он, этот предполагаемый тип с чемоданчиком. Мне кажется, он уже созрел.

— А почему вы так решили?

— Он уже с чемоданом. Чемодан, надо думать, для картины.

— Ишь ты, какой горячий! — закричала Колбочкина. — А может быть, он с этим чемоданом в баню собрался или в лес за грибами.

— Можете мне не верить, — сказал милиционер Спицын, — только мне мое милицейское сердце подсказывает, что сегодня он попробует взять какой-нибудь самый главный третьяковский шедевр. Все, до свидания. Я пошел в свой любимый вечерний институт любимого философизма. — И милиционер, переложив тяжелую нравственную задачу на Колобка, легкой походкой отправился на занятия. А Колобок тяжелыми шагами командора направился ко входу в Третьяковскую галерею.

Такими же резко потяжелевшими шагами шли за ним Колбочкина и Булочкин. Можно было подумать, что они несут на спине невидимые мешки с конфискованной картошкой или золотыми слитками.

У входа стоял седоватый и румяноватый работник галереи в форменном зеленом костюме. Чем-то он напоминал деда Мороза в отпуске. Очевидно, тем, что не имел мешка с игрушками. Он выпускал последних посетителей и готовился закрывать двери.

Колобок протянул ему свое служебное удостоверение и спросил:

— Вы — дежурный?

— Так точно.

— Сегодня мы будем дежурить вместе. Ожидается крупное ограбление... Почти налет.

— Я очень рад! — сказал седоватый и румяноватый дежурный. Хотя радоваться особенно было нечему. Он тут же поправился:

— Я не тому рад, что будет ограбление, а тому, что мы будем дежурить вместе. Я много о вас слышал, и мне надоело одному пить чай всю ночь.

— Будем пить чай вместе, — сказала Колбочкина. — У меня и варенье с собой.

— Прошу вас проследовать в служебное помещение! — сказал дежурный, и они проследовали в маленькую каморку под главной лестницей.

— Давайте теперь как следует знакомиться. Меня зовут Лука Лукич Сковородкин. Я из старинной рабоче-дворянской семьи.

— Меня зовут Колобок. Я из сельской местности.

— Меня — Колбочкина. Я из старинной подметальной семьи. Я дворником работала.

— А я — Булочкин. Я родился между молотом и наковальней в хлебопекарне. Мои родители были крупчатниками.

И Лука Лукич рассказал свою биографию. Он поступил в Третьяковскую галерею еще мальчиком вместе с нынешним ее директором. Они были ночными дежурными и протиралыциками пыли. Только директор пошел в институт, окончил его и стал директором. А Лука Лукич не захотел расставаться с любимой профессией. Так и остался ночным сторожем.

Тем временем ночь постепенно надвигалась на Третьяковскую галерею.

— Как вы думаете? — спросил Лука Лукич. — С какой стороны будет налет?

— Со всех сторон! — твердо ответил Булочкин.

— Булочкин, — возразил Колобок, — мне стыдно за вас. Мы ждем нападения одного малолетнего воришки, а вы говорите так, будто на нас будет выброшен целый парашютный преступный десант. Я думаю, преступник полезет через чердачное окно на крыше. Потому что оно выходит на сторону стройплощадки. И никто его не заметит, когда он будет залезать.

— И мы его сразу схватим около этого окошка? — спросил дежурный Сковородкин.

— Ни за что. Мы подождем, когда он выберет и упакует картину.

— А сигнализация? Ведь она может сработать и отпугнуть воришку.

— Я думаю, он не дурак. Он непременно отключит сигнализацию.

— Я ни разу в жизни не задерживал преступников, — признался Лука Лукич. — Я не подозревал, что это так сложно. А преступник вооружен?

— Безусловно, — согласился Колобок.

— Ножи? Пистолеты? — спросил Булочкин. — Слезоточивый глаз?

— Ничего подобного. Он вооружен юридическими знаниями. Если мы задержим его без картины, он скажет, что просто заблудился. Или что он забыл здесь свою шапку. Или он скажет, что сюда залетел его любимый попугай. И мы вынуждены будем его отпустить.

— Ни за что! — возразил решительный Булочкин. — Мы возьмем его вместе с попугаем.

Как раз в это время загрохотала железная крыша, и Колобок, освещая себе дорогу фонариком, двинулся в сторону чердака. Булочкин шел рядом, ни на минуту не выпуская шефа из поля зрения. С собой он прихватил коробку от торта.

— Зачем? — прошептала Колбочкина, которая оставалась внизу.

— Для попугая, — тихо ответил он.

Недалеко от лестницы, ведущей на чердак, Колобок залег позади старинной скульптуры «Дети держат земной шар».

— Шеф, а куда мне прятаться? — спросил верный помощник.

— Булочкин, Булочкин, идите себе пить чай, Когда вы понадобитесь, я вас вызову по рации.

Только в этот раз Булочкин решил ослушаться приказа. Он не мог оставить шефа одного. Поэтому он подошел к скульптурной группе детей и тоже стал держать земной шар. Тем временем преступник открыл дверь, ведущую на чердак, и вошел в помещение третьего этажа. Луч добротного карманного фонаря-жужжалки освещал ему путь.

Земной шар оказался необычайно тяжелым, и Булочкин с ужасом думал, что больше трех минут ему этот шар не удержать. Ему все время хотелось поменять руки или хотя бы позу. Слава богу, что преступник быстро спустился на второй этаж.

«Все ясно! — понял Колобок. — Он направляется к малым голландцам».

«Все ясно! — подумал Булочкин. — Пошел связывать дежурного».

Но преступник не стал делать ни того, ни другого. Он открыл окно второго этажа и при свете уличных фонарей надел резиновые перчатки. Затем высунулся в открытое окно и портативными кусачками перекусил электрический провод, проходящий по стене галереи. Сигнализация больше не работала. А сам преступник пошел по залу и стал рассматривать шедевры на стенах. При этом его интересовало не столько содержание картины, сколько ее размер. Он подносил к картине чемодан и смотрел — поместится она в чемоданчике или нет.

Без особого интереса он прошел мимо знаменитой картины художника Васнецова «Аленушка», масло, холст, 173х121. Едва взглянул даже на картину «Бриг „Меркурий“, атакованный двумя турецкими кораблями», холст, масло, 212х339, привезенную из Феодосии на выставку художника Айвазовского. А на картину художника Налбандяна «Большая ширь», холст, масло, 583х300 даже смотреть не стал.

Зато картину художника Поленова «Московский дворик», масло, 64,5х80,1 он рассматривал очень долго. Точно так же, как и картину «Грачи прилетели» старинного художника Саврасова, холст, масло, 62х48,5.

Но больше всего его заинтересовала картина художника Ильи Ефимовича Репина «Портрет писателя Всеволода Михайловича Гаршина», холст, масло, 47,7х40,3. Она так его чем-то пленила, что он медленно стал снимать ее со стены и укладывать в чемодан.

«Уйдет! — думал Булочкин. — Уйдет!» Он хотел бросить свой земной шар и схватить преступника, но очень боялся, что земной шар со страшным шумом рухнет на пол, что дети одни не удержат его.

И тут сверкнула молния. Это Колобок при помощи фотовспышки сделал снимок «Преступник, снимающий картину, на месте преступления», фотобумага, 9 на 12. И похититель молча поднял руки вверх.

— Вы задержаны! — строго сказал Колобок и стал укладывать фотоаппарат в футляр. Стоило ему только на секунду отвести глаза, как преступник сорвался с места и побежал ко входу на чердачную лестницу. Еще секунда, и он уйдет. Но не тут-то было. Когда он пробегал мимо Булочкина, Булочкин бросил, наконец, свой земной шар и вцепился в убегальщика мертвой хваткой. Целых полчаса после этого Колобок и Колбочкина разжимали пальцы нашего, якобы, мягкого Булочкина.

— Фамилия у него мягкая, а сам он железный! — сказал после этого Колобок про своего соратника. И фраза эта много лет потом ходила за Булочкиным, принося ему бессмертную славу.

— Итак, давайте знакомиться! — сказал Колобок преступнику. — Я — Колобок. А вы?

— А я — случайный прохожий, — ответил преступник. — Любитель живописи.

— Ага, — согласился Колобок, — вы настолько любите живопись, что не удержались и в ночное время полезли в музей знакомиться с шедеврами?

— Вы совершенно правильно меня поняли! — сказал ночной жулик.

— Ах ты, жалкий врунишка! — рассердилась Колбочкина. — Да я тебе за такое вранье!.. — она замахнулась на преступника металлической кружкой для заварки чая.

— Отставить, — приказал Колобок. — Товарищ Колбочкина, — строго сказал он, — прошу вас запомнить — подобные методы в нашей стране отменены еще в 1921 году. И больше мы к ним возвращаться не будем.

— А теперь выворачивайте карманы! — строго приказал Колобок. — Сдавайте оружие и отмычки.

Но ни оружия, ни отмычек у преступника не было. Было только пять рублей и чистое белье с сухарями в чемоданчике. Больше не было ничего. Даже носового платка.

И тут в разговор вмешался ночной дежурный Лука Лукич:

— Итак, вы любите живопись. А знаете ли вы, какую картину вы хотели похитить? Да это же портрет писателя Гаршина. Знаете вы такого? А писал портрет сам великий Репин!

Преступник задумался:

— Нет, не знаю я Гаршина. Да и Репина я не знаю.

— Великого Репина! — поправил его Лука Лукич.

— Вот именно, — согласился преступник. — Никогда не слышал.

— До чего докатились! — поразилась Колбочкина. — Репина не знают! И Гаршина! Какой позор!

— А вы их знаете? — спросил Колобок.

— По правде говоря, не очень, — призналась Колбочкина. — Репина еще туда сюда, а вот Гаршина — ну ни капельки.

— Вы как хотите, — сказал Лука Лукич, — я вас отсюда не выпущу, пока не расскажу вам об этом знаменитом художнике. И обо всех других.

Больше всех возмущался задержанный:

— Как так не выпустите! Да у меня кошка не кормлена. Да у меня билеты в кино на Штирлица. Да меня столько дел ждет.

— Вас сейчас ждет только одно дело, — строго одернул его Колобок, — дело о попытке похитить картину «Портрет писателя Гаршина» из Третьяковской галереи.

— Меня ждет семья.

— Да нет, — поправил его Колобок, — вас ждет скамья.

— Какая такая скамья?

— Такая, — не выдержала Колбочкина, — подсудимая, вот какая.

— Да, пожалуй, я никуда не тороплюсь, — согласился преступник и протянул всем руку. — Давайте знакомиться — Вася Углов У меня было тяжелое детство. Безотцовщина. Голод... Отсутствие витаминов. Меня легко понять.

— Прекратить! — сказал Колобок и в гневе стукнул по рации кулаком. Рация испуганно сказала: «Вы слушаете „Голос Америки“. В Вашингтоне полночь. Передаем последние известия».

Тут испугался Булочкин и тоже стукнул по рации кулаком. Тогда она сразу исправилась и сказала: «Вы слушаете „Маяк“. Передаем новости с полей».

Но новости с полей они не услышали. Потому что Колобок провел с ними небольшую беседу на тему, как некоторые люди свои преступления сваливают на родителей, школу, улицу, плохих товарищей и западную пропаганду.

— Чтобы я больше этого не слышал! — сказал он Василию Углову. — Вы сами во всем виноваты и сами за все будете отвечать.

— Только это потом, — сказал Лука Лукич. — А сейчас мы начнем экскурсию. Итак, что мы видим в первом зале?

— Потресканные выпуклые доски с блестящими гражданами на них! — ответил преступный Вася.

— Караул! — схватился за голову ночной экскурсовод. — Потресканные доски с блестящими гражданами?! Откуда такая темнота? Да это же первые русские иконы. Это истоки живописи. Вот эта блестящая гражданка — это же Владимирская Божья матерь. Ее писали еще в древней Византии. Потом она долго хранилась у киевских князей. Потом великий князь Андрей Боголюбский украл ее у киевлян и привез в город Суздаль.

«Ему можно!» — тихо подумал про себя Вася Углов.

— В тихой печали прильнули друг к другу младенец и мать. В сознании русских людей эта икона стала символом славы централизованного русского государства... — он был готов рассказывать об этой иконе часами.

Но тут наступило утро, и Лука Лукич прекратил дозволенные речи.

— Оставьте мне этого подростка на несколько дней, вы не узнаете его! — попросил он Колобка.

— Шеф, — сказал пристыженный Булочкин. — Мне тоже надо остаться на несколько дней, чтобы меня никто не узнавал. Пора менять внешность и набираться знаний.

— Мы все остаемся, — принял решение Колобок. — То есть нет. Мы оставляем этого подростка вам. А сами будем приходить сюда на ночные лекции каждый день. То есть каждую ночь. Днем мы будем на трудовом посту.

— Шеф, — спросил обеспокоенный Булочкин, — а он не убежит?

— Куда он денется! — сказала Колбочкина. — Мы его проволокой к батарее прикрутим.

— Ни за что. Мы не будем его прикручивать. Потому что это остается у нас, — Колобок показал Булочкину фотоаппарат. — И если он смоется... то есть я хотел сказать, если он скроется, мы немедленно опубликуем фотографию «Преступный Василий Углов крадет портрет писателя Гаршина». Нашего Василия через пять минут приведут. И никакое тяжкое детство не поможет.

— Еще и отлупят! — радостно сообщила Колбочкина.

— Да? А что я буду делать целый день? — спросил Вася.

— Подметать. Стирать пыль с шедевров. Читать популярную литературу. Проверять билеты, — сказал Лука Лукич.

— Колобок! — вдруг спохватилась Колбочкина. — А вдруг у него в самом деле дома кошка некормленная.

— Да? — спохватился похититель. — И две собаки!

— Колбочкина! Колбочкина! Нет у него никакой кошки.

— Шеф, а почему вы так решили? — спросил Булочкин.

— Очень просто. Помните, когда мы провели обыск, мы не нашли у него ключа от квартиры. Это значит, что у него квартиры нет. Или в ней живет еще кто-то, кто открывает ему дверь.

— Да? — закричал преступник. — А может, у меня ключ под ковриком?! Может быть, я такой весь открытый!

— А тогда вы скажите нам адрес, — предложила Колбочкина, — где ваш этот коврик. Мы поедем и накормим вашу кошку.

— И посмотрим заодно, нет ли там еще каких-либо украденных шедевров, — согласился Колобок.

— Колобок, — признался Вася, — нет у меня никаких украденных шедевров, и кошки у меня нет. А есть только очень строгий старший брат, который может меня очень строго наказать. Лучше я здесь останусь.

Как раз в это время подошел дневной милиционер Спицын, и Колобок сдал ему пост вместе с задержанным Васей.

С тех пор у Колобка, Колбочкиной, Булочкина и задержанного Васи началась новая жизнь. Днем Колобок с бригадой занимался разбором нарушений, мелких преступлений и краж. А вечером они отправлялись в Третьяковскую галерею слушать лекции ночного экскурсовода Луки Лукича Сковородкина.

— Итак, — говорил Лука Лукич, — в этом зале в основном собраны картины художника Брюллова. Что вы можете сказать, глядя на эту картину? Она называется «Всадница».

— Что мы можем сказать? — говорил Вася Углов. — Буржуазная женщина, участница конно-спортивных соревнований, подъехала к ресторану попросить стакан «Фанты» для себя и для своей лошади.

Лука Лукич даже за голову схватился:

— Почему вы так решили?

— Потому что наши женщины таких платьев не носят. И вообще сейчас лошади как средство транспорта отменены. Они только на соревнованиях бывают.

— А зачем лошади «Фанта»? — спросил Булочкин.

— Чтобы она блестела. Лошадей и собак перед соревнованием натирают напитками. Я об этом читал.

— Где вы читали такую ерунду? — спросил Колобок.

— В «Медицинской газете» и в газете «День», — ответил Углов.

— Я вам настоятельно рекомендую читать «Огонек» или другие более приличные издания, — предложил ему Колобок.

— Да при чем здесь «Фанта»?! Да при чем здесь «Медицинская газета» и прочая чепуха?! — кричал Лука Лукич. — Перед вами знаменитая картина художника Брюллова, Карла Павловича, — «Всадница». Посмотрите внимательно. Это же просто гимн влюбленного в жизнь художника, пропетый им красоте, юности и радости жизни.

Колобок, Колбочкина и все остальные постояли пять минут и действительно действительность показалась им значительно более интересной. Только Вася Углов ничем не наполнился, а просто сам захотел выпить стакан «Фанты».

— Идем дальше, — говорил ночной экскурсовод. — Сейчас я вам покажу одну из своих самых любимых картин. Она называется «Московский дворик». Нарисовал ее художник Поленов. Как вы думаете, образцом чего может служить этот маленький пейзаж, напоенный светом и теплом?

— Этот маленький пейзаж может служить образцом бесхозяйственности в городском строительстве наших дней, — сказал Углов.

— Почему? — в ужасе закричал Лука Лукич.

— Как почему? — ответил Вася. — На переднем плане помойка. Значит вывоз и уборка мусора не автоматизированы. Рядом, в антисанитарных условиях, вращаются дети. Значит строительство детского садика еще и не начато. А если посмотреть внимательно, что мы видим на заднем плане, напоенном воздухом и теплом?

— Что? — спросили Булочкин и Колбочкина.

— Выстиранное белье, которое сушится на веревке. О чем это говорит?

— О хорошей погоде, — сказала Колбочкина, — раз белье сохнет.

— О том, что люди живут аккуратные, — сказал Булочкин.

— Это говорит о том, что прачечная тоже не работает. Что она не сдана в эксплуатацию.

— А что вы скажете? — спросил Лука Лукич у Колобка. — Вы-то, наверное, больше разбираетесь в искусстве.

— Я могу сказать, что в этом районе хорошо поставлена служба наблюдения за порядком. Милиция и дружинники на высоте.

— Это почему еще? — ахнул Лука Лукич.

— Потому что окна в доме даже на первом этаже не обрешечены. Значит жуликов нет.

— Да как вам не стыдно говорить об этой ерунде, когда вы видите перед собой одну из самых

лучших картин Москвы. В интимно-лирической манере изображен кусочек старой Москвы с ее неторопливым патриархальным укладом. Здесь есть ощущение светлой радости бытия. Солнечным светом и воздухом буквально наполнен каждый кубический сантиметр пространства. А сине-голубое небо, будто специально промытое к этому дню? Поленов работал над этой небольшой картиной около двух месяцев. А готовился к ней, как говорят в таких случаях, всю жизнь. Эх, вы! А вы говорите, детский сад не построен.

И они переходили к следующему шедевру.

— Что вы скажете об этой картине знаменитого художника Ге?

— Эта картина знаменитого художника Ге изображает разговор большого человека, может быть, даже директора интерната, с его подчиненным, может быть, учителем младших классов, — предположил Вася Углов.

— Потрясающе! — воскликнул Лука Лукич. — А что вы можете добавить к этому блестящему наблюдению? — спросил он у Булочкина.

— Что разговор происходил в красном уголке, — сказал Булочкин.

— Почему?

— Потому что скатерть красная.

— А что вы скажете? — спросил Лука Лукич Колбочкину.

— А то и скажу, что этот директор очень похож на артиста Симонова Николая, который всегда Петра Первого в кино играл.

— Уже теплее, — сказал Лука Лукич. — Потому что это и есть Петр Первый. А картина называется «Петр Первый допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе».

— Я так и думал! — сказал Колобок. — Расскажите об этой картине поподробнее.

И Лука Лукич завел рассказ на полночи о Петре Первом, о его неудачном сыне, об их конфликте, о побеге царевича за рубеж. И тут наступило утро, и Лука Лукич прекратил дозволенные речи. Третья ночь преступника Углова заканчивалась.

Прошел день. Наступила четвертая ночь. В эту ночь внимание Луки Лукича было остановлено на трех картинах. Первая из них — картина художника Максимова «Все в прошлом». Он сказал:

— Прошу высказываться.

Первым, как всегда, стал высказываться Вася Углов:

— В картине художника Максимова, которую мы видим перед собой, в ярких фиолетово-розовых тонах пропет гимн пожилому возрасту в доме престарелых в светло-весеннее время. На переднем плане — передний план, который изображает женщину в переднике. Это бывшая передовичка чулочной фабрики.

Потому что она никак не может остановиться и до сих пор вяжет чулок.

— Чудесно! Нечего сказать! — воскликнул Лука Лукич. — А что вы добавите? — спросил он у Булочкина.

— Что проживающие в доме недовольны. У них плохое настроение.

— Это почему еще?

— Потому что на втором плане у них клуб на ремонте. Кино не показывают. Они скучают.

— Ишь ты, скучают! — сказала Колбочкина. — А может быть, у них телевизор цветной все показывает. А может быть, у них массовик-затейник из молодых да ранний. А может быть, им художественную самодеятельность показывают, этим двум бабушкам.

— Нет, — сказал Колобок. — Это не дом престарелых. Это старинная картина про помещиков. Тогда престарелых не было.

— Шеф, — спросил Булочкин. — А как вы расследовали, что эта картина про помещиков?

— Дом старинной архитектуры, стиля деревенского барокко. Медный самовар с серебряным кофейником, дулевский фарфор на столе.

— Почему вы видите только детали, а не видите картины в целом? Почему вы не видите настроения? — закричал Лука Лукич. — Ведь это картина не о кофейниках и самоварах. Это картина о прожитой жизни. О былом богатстве и беспечности, о жизни в окружении крепостных слуг и мастеров. Мы видим пожилую аристократку в чепце и длинном платье с интеллигентным и строгим лицом. А рядом с ней другую старую женщину в несколько уродливой позе. Одна из них погружена в мысли, а другая погружена в работу. А жизнь в лице зеленой травы и сиреневой сирени продолжает жить и бить ключом. Здесь налицо трагедия, а вы говорите «дом престарелых, клуб на ремонте»!

Вторая картина была «Неизвестная» художника Крамского. Об этой картине никто особенно не высказывался. Все просто смотрели на нее, выпучив глаза.

— Вот это здорово! — сказал Булочкин. — Я бы тоже хотел быть художником!

— Это зачем? — удивилась Колбочкина.

— Я бы нарисовал нашего шефа тоже в такой же коляске, в такой шубе и с таким же выражением лица. «Мол, преступники, я вас всех насквозь вижу!»

— А я эту девушку видел в «Огоньке», — сказал Вася Углов. — Я еще тогда в «Огонек» письмо написал: давайте переписываться, меня зовут Вася.

— Ну и что? — спросил Колобок.

— Не ответила.

— Эта картина — буквально жемчужина Третьяковской галереи, — сказал Лука Лукич. — Многие люди едут сюда к нам из-за рубежа, чтобы посмотреть на нее. Одна эта картина сделала художника Крамского знаменитым. А ведь он написал много других шедевров. Но пора идти дальше.

Лука Лукич с трудом оторвал ночную экскурсию от «Неизвестной» и перешел к картине художника Серова «Девочка с персиками».

— Смотрите. Трудно назвать в русской и мировой живописи другое произведение, которое вызывало бы такие светлые, радостные чувства. Смуглолицая девочка-подросток с живыми глазами. За окном весенние тона. Чистый цвет, нежные переливы розовой кофточки. Все это создает образ светлой юности. А эта девочка… Вы знаете, чья она дочь?

— Мне кажется, это дочь большого начальника.

— Почему?

Вася Углов подошел к картине и указал на персики:

— Вот почему. Не догадываетесь?

— Ни капельки! — ответил Лука Лукич.

— За окном весенние тона, а здесь персики. Ведь не сезон.

— При чем тут персики?

— А при том, что их доставили в несезон самолетом, значит, девочка — дочь большого начальника. Может быть, директора овощного магазина, а может быть, даже овощной базы.

— Нет, эта публика загонит меня в гроб! Это же дочка Саввы Мамонтова — известного русского любителя искусств. Он стольким художникам помог, столько талантов вывел в люди, сколько ни одному начальнику овощной базы и не снилось.

Он бы еще долго рассказывал об этой картине и о меценате Савве Мамонтове, но тут наступило утро, и он прекратил дозволенные речи.

Так продолжалось пять дней… десять… пятнадцать. Дело близилось к финалу. Больше картин в галерее не оставалось. И тут случилось ЧП.

Однажды вечером, как всегда после дневной работы, Колобок, Булочкин и Колбочкина, которых уже несколько пошатывало от большого количества искусства, проникшего в их головы, подошли к Третьяковской галерее.

— Караул! — встретил их Лука Лукич. — Преступник пропал. И картину унес.

— Не может быть! — ахнул Колобок. — Ведь он почти перековался.

— Почти не считается. Значит мы его не доковали. А вот он нас докует. Все, нам больше его не видать.

— Как не видать! — вскричал Колобок. — Да мы его в два дня отыщем. Да у нас же фотография есть 6 на 9. Не зря же мы его снимали на месте преступления.

— Конечно, не зря! — вскричал Булочкин. Он сразу вспомнил, как он вместе с ребятами держал шар земной. И тут же решил проверить при случае — не упал ли он.

— Колбочкина! — скомандовал Колобок. — Немедленно в лабораторию. Немедленно проявить пленку и напечатать сто фотографий. Булочкин, — продолжал он. — Приготовить текст: «Сбежал не очень опасный преступник, похитивший картину…» Как она называется?

— «Стакан с тремя розами», художник Чижиков-младший.

— «…Просим его задержать и вернуть в Третьяковскую галерею вместе с картиной».

— Будет сделано, шеф! — в один голос сказали Колбочкина и Булочкин.

— А я пока пойду по следу, — сказал Колобок. — Встречаемся здесь через три часа.

Три часа пролетели как три минуты. Колбочкина проявила пленки и напечатала фотографии. Булочкин напечатал на старинной машинке Колобка текст, и они развесили фотографии во всех прилегающих к Третьяковской галерее местах. И скоро вся группа подтянулась ко входу в галерею.

Там были: милиционер Спицын, ночной дежурный Сковородкин, Булочкин, Колобок, Колбочкина.

— Я обзвонил все комиссионные магазины, чтобы картину не продали, — сказал Колобок, — и все таможни, чтобы картину не вывезли за рубеж.

— Может быть, начнем бить большую всесоюзную тревогу! — предложил милиционер Спицын.

— Подождем! — возразил Колобок. — Незачем беспокоить всю страну. Справимся собственными силами.

— Смотрите! — вдруг вскричала Колбочкина. — Идет.

Все посмотрели в ту сторону, куда она показала, и в самом начале Лаврушинского переулка увидели Васю Углова с двумя свертками.

— Будем брать! — напружинился железный мягкий Булочкин.

— Не будем! — остановил его Колобок.

— Намек понял, — сказал Булочкин.

— Это не намек. Это приказ! — поправил его Колобок.

Тем временем Вася Углов одолел переулок и направился ко входу в Третьяковскую галерею. Наших он не видел, они стояли в стороне, в кустах. Он увидел только экскурсовода Сковородкина:

— Лука Лукич! — бросился он к экскурсоводу. — Это вам.

Он протянул ему картину «Стакан с тремя розами» и настоящий стеклянный стакан с тремя розами. Их было практически невозможно отличить.

— Это вам, — сказал Вася Углов. — За ваш титанический воспитательный труд. Я никогда не забуду ваши лекции в светлых аквамариновых тонах, ночной набегающей темноте, когда синее романтически переплетается с зеленым и черным. Я теперь вижу мир по-другому. Вот скажите — что это?

— Это огнетушитель! — сказал Лука Лукич.

— Нет, это красный предмет на желтой стене. Это праздничное видение мира. Это радостный гимн пожарным и мощный оранжево-зовущий протест против огня!

— Браво! — сказал Колобок, выходя из кустов. — Я поздравляю тебя, Вася. Отныне ты — свободный человек. У тебя нет ни задержаний, ни приводов, ни судимостей. Желаю тебе большого художественного счастья!

— А что? — закричал Вася. — Я теперь новую жизнь начну. Я в художники пойду, в скульпторы. Да знаете ли вы какой я умелец. Да я скульптуру любого ключа умею сделать от любого сейфа! Только теперь я со старым завязал. Я теперь — другой человек.

И счастливый, он пошел вдаль по направлению к училищу скульптурной культуры имени скульптора Юлии Устиновой.

— Шеф, — спросил Булочкин. — Но вы же говорили, что его сразу задержат по нашим фотографиям. А никто его не задержал. Почему, шеф?

— Булочкин, Булочкин! Разве вам непонятно? Ведь на той фотографии у него мрачное лицо преступника, нарушителя, хулигана. А сейчас — это же другой, светлый и чистый человек. Ничего общего! Понятно вам? Вот никто его и не узнал! И не мрачнейте так.

— Шеф, но у нас падают цифры задерживаемости и раскрываемости.

— Булочкин! Главное не цифры. Главное человек! А если вам так нужны цифры — заведите себе новую графу — перевоспитываемость.

— Шеф, это же выход! — радостно сказал Булочкин. И глаза его наполнились счастьем.

И зазвучала их походно-рабочая песня:

Колобок идет по следу,

Верим мы в его победу.

Если мы задумали преступника схватить,

Дорого преступнику придется заплатить.

Следствие четвертое ОПЕРАЦИЯ «БРАКОНЬЕР»

Неотложный Пункт Добрых Дел.

Именно это место стороной обходят самые отпетые бандиты и самые опытные нарушители трудовой и бытовой дисциплины. Потому что здесь работает сам Колобок — гроза преступного и нарушительского мира.

Вместе с ним славно трудится его верный и военизированный зам по хоз. и следств. работе Афанасий Булочкин. Сегодня он крупно занят хозяйственно-воспитательной деятельностью. Он растапливает камин рогатками.

Ему помогает лаборантка с подметальным уклоном Колбочкина. Она бросает в камин игральные карты, конфискованные у преступного мира. То и дело звонит телефон. Но Булочкин не спешит к нему подходить.

— А чего спешить? — объясняет Колбочкина. — Завтра мы всем нашим здоровым коллективом уходим на заслуженный отдых на 24 дня. А к нему подойдешь, тебе и сообщат... что где-то

ограбили банк или украли верблюда. И прощай 24 дня отпуска, будет 24 дня поиска. «Если мы задумали преступника схватить, дорого преступнику придется заплатить».

Снова звонит телефон. И тут в комнате возникает Колобок. Он всегда неожиданно и тихо возникает в разных местах, будто его телепортировали сюда из другого конца света.

— Эх, Булочкин, — говорит он осуждающе. — Люди нашей профессии должны гоняться за событиями, а не бегать от них. Вот вы сейчас не взяли трубку, а может быть, на том конце провода было ваше главное следственное счастье.

— Тоже мне, счастье! — иронически говорит Колбочкина. — Все время звонит какой-то тип и спрашивает: «Колобок ушоци? Колобок еще не пришоци?» Ерунда какая-то.

— Эх, Колбочкина, Колбочкина! Настоящий специалист по двум предложениям может многое узнать и понять. А понять — это значит раскрыть. Если человек говорит: «Пришоци, ушоци», значит он из Калининской области. А еще точнее из Вышнего Волочка. А в Вышнем Волочке есть большая тонкосуконная фабрика. Понятно?

— Не совсем, — ответил заинтересованный Булочкин.

— Много вы видели тонкого сукна, Булочкин?

— Совсем не видел. Я целый год ищу тонкое сукно себе для шинели с погончиками. Только на два погончика нашел.

— Вот и получается — фабрика есть, а сукна нет. Что это значит?

— Хищения?! — поразился Булочкин.

— Растаскивание государственного имущества, — возмущенно дала оценку этому Колбочкина.

— Вот то-то! — примирительно сказал Колобок. — А вы говорите «ушоци», а вы говорите «тип».

И тут снова зазвонил телефон.

— Пришоци, пришоци наш кругленький, — радостно прокричала Колбочкина. — Сейчас будем разоблачать.

— Нам не надо разоблачать, — сказал Колобку голос по телефону. — Нам надо помогать.

— А что у вас случилось?

— У нас браконьеры и туристы природу губят.

— Так вы обратитесь в милицию, — посоветовал Колобок.

— Э, уважаемый! Какая там милиция! У нас один милиционер на сто квадратных километров. У нас на милиционера надо, как на холодильник, открытку посылать.

— А много вреда от туристов?

— Очень много. Они костры жгут, сети ставят, динамитом рыбу глушат. Просто диверсанты.

— А где туристов больше всего?

— Да на Голубом озере.

— Все, — сказал Колобок. — Заказ принят. Мы выезжаем. Встречайте нас завтра на вечерней заре около берега, товарищ военный пенсионер.

— Ой, — сказал голос по телефону. — А как вы догадались, что я военный пенсионер?

— Очень просто, — ответил Колобок. — У нас о природе больше всего пенсионеры беспокоятся. А про диверсантов только военные сейчас говорят. Правильно я рассуждаю?

— Так точно, товарищ Колобок. До встречи у озера.

Колобок положил трубку и стал ходить по комнате из угла в угол, как вождь небольшой колониальной державы. Одновременно он отдавал распоряжения.

— Так, — говорил он, — берем палатку, спички, надувные матрасы, радиопереговорное устройство и...

— Гранаты, — добавил Булочкин.

— Консервы, — поправил его Колобок. — И выезжаем.

— Как я и говорила, — сказала Колбочкина, — вместо 24 дней отпуска у нас будет 24 дня поиска.

Вышний Волочек славится своей историей, своими каналами и своими озерами. Там всегда хорошая погода — и зимой, и летом, и в дождь, и в снег, и в мороз, и в слякоть, и в град, и в бурю. Потому что там леса, вода и луговые русские просторы. И все это привлекает большое количество туристов и еще большее количество интуристов. На озерах построено много гостиниц — две, много кафе — три и много кинотеатров — один.

Но Голубое озеро особое, заповедное. Туда туристов не пускают. На их пути стоит грозное препятствие — шлагбаум. Недавно какие-то хулиганы распилили его на дрова.

В лесу царит тишина. Вы слышите тихое пение, это поют соловьи.

Вы слышите плеск волн, вы слышите шум листьев. А это что? Пение соловья постепенно заглушается другой совсем не тихой песней.

Ах, до чего ж за городом

Прекрасно и красиво

От свежего от воздуха

Кружится голова.

В одной авоське — колбаса,

В другой авоське — пиво,

Вокруг растут березы

И прочие дрова.

Дружина и милиция

Нас в жизни не осилят,

И люди деревенские

Недаром говорят:

«Поставь от них заборы,

Они их перепилят,

Пусти на них собаку,

Они ее съедят».

Нет ничего прекраснее

Природы среднерусской,

Когда у вас есть топоры,

И динамит, и тол.

Там будет речка за бугром

С прекрасною закуской,

Глуши ее, души ее,

Тащи ее на стол.

Дружина и милиция

Нас в жизни не осилят,

И люди деревенские

Недаром говорят:

«Поставь от них заборы,

Они их перепилят,

Пусти на них собаку,

Они ее съедят».

Мы не должны ждать милости

От матушки природы.

Должна природа-матушка

Сама давать доход,

Трещите, трепещите,

Сады и огороды —

Туристы-гитаристы

Отправились в поход.

Не знаю, как там сады и огороды, но я при звуках этой песни начинаю трепетать всерьез. Давайте же познакомимся с исполнителями, подойдем к ним поближе.

— А чего с нами знакомиться? Зачем к нам подходить? Мы — простые вышневолоцкие люди.

— А что у вас, ребята, в рюкзаках? Нет ли у вас там динамита и сетей?

— Это не твое дело.

— Будешь много знать — скоро состаришься!

— Иди отсюда, пока цел!

— Как дам по очкам!

Ничего себе публика. И так они разговаривают с автором! Ну, ничего, есть и на них управа.

Колобок идет по следу.

Верим мы в его победу!

Если он задумает преступника схватить,

Дорого преступнику придется заплатить.

Как раз в это время гроза нарушителей и браконьеров тоже приближался к месту действия в составе небольшой оперативной группы: он сам, Булочкин, Колбочкина и военный пенсионер тов. Картонкин.

Колобок в этот раз был одет просто, без всяких фасонов. Китайские кеды на босу ногу, защитная плащ-палатка и большая зеленая шляпа. Булочкин как всегда был военизирован. Колбочкина была в спортивных брюках и в телогрейке, будто она оделась не на природу, а на овощную базу.

Судя по влажному запаху, озеро приближалось. На пути попался очередной шлагбаум. Его еще не успели спилить на дрова. Более того, он был свежеокрашен, и на нем висел большой плакат-лозунг:

«МЫ ПРИВЕТСТВУЕМ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ РЫБНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ»

— Интересно, — сказал Колобок, — кто этот лозунг написал? «Мы приветствуем», кто это «мы»?

— Шеф, — сказал Булочкин. — Я знаю кто это «мы». «Мы» — это те, кто написал лозунг.

— Булочкин, Булочкин, я это и без вас знаю. А кто эти «мы»?

— Группа товарищей, вот кто! — нашлась сметливая Колбочкина.

— Группа товарищей приветствует тогда, когда один товарищ умер. А здесь все здоровы и даже рыбу ловят, — отпарировал Колобок.

— Шеф, а стоит ли ломать голову над этой странной одиночной загадкой? — спросил Булочкин. — По-моему, нет.

— А по-моему — да, — сказал Колобок. — Потому что эти одиночные загадки попадаются на каждом шагу. Вон видите, еще одна одиночная загадка.

Все посмотрели в направлении, указанном Колобком, и увидели лозунг:

«ВЫШЕ ЗНАМЯ НАШИХ ПОЛЕЙ И ЛЕСОВ»

— Вы когда-нибудь в жизни встречали знамя полей и лесов? Какого оно цвета? Какой оно формы? Треугольное, квадратное, круглое? И что значит выше? На десять метров? На один метр? Или его надо чуть-чуть приподнять, сантиметров на десять?

— Шеф, — сказал Булочкин. — Я знаю, надо взять среднеарифметическое.

Тут в разговор вмешался военный пенсионер тов. Картонкин.

— Тихо! — сказал он военным голосом. — Ползком вперед, шагом марш!

Бригада Колобка залегла и поползла.

— А почему ползком? — спросил Колобок ползя... то есть скользя... то есть двигаясь по-пластунски. — Почему?

— Мы можем спугнуть браконьеров. А они вооружены.

— Мне кажется, лучше их сразу и спугнуть, — сказала Колбочкина, — а то ведь они нас этим оружием перестрелять могут.

Но спугивать никого не пришлось. Впереди гремела музыка, раздавались песни. Шел рыбно-спортивный праздник. Играли вальс «Амурские волны», песню «С утра сидит на озере веселый рыболов» и все песни композитора Рыбникова.

Колобок вместе со своим отрядом подошел к гуляющим и спросил:

— По какому поводу гуляем, граждане? По какому случаю?

— По случая Дня рыбака.

— По поводу рыбных соревнований.

— А почему соревнования в заповедной зоне?

— А потому что так решил товарищ Объезжалов.

Колобок запомнил эту фамилию. И пошел дальше. Он подошел к группе охотников.

— По какому случаю стреляем, товарищи охотники? По какой дичи? Ведь охота запрещена.

— По случаю Дня рыбака. Запрещена охота на птиц и зверей, а мы стреляем по рыбе.

— Кто же это так остроумно решил?

— Как кто? У нас один решальщик — тов. Объезжалов.

Колобок еще раз запомнил эту фамилию. И снова двинулся со своим отрядом и с пенсионером Картонкиным. На берегу Голубого озера стоял плавучий домик с видом на озеро. Из окна домика доносился запах свежежареной рыбы и вылетала громовая музыка. А от причала домика шла почти до середины озера цепочка поплавков. Кто-то поставил сеть. Около сети крутился какой-то товарищ, вернее гражданин. В синих трусах с лампасами.

— Гражданин, гражданин! — подозвал его Колобок. — Подойдите сюда. Вы арестованы.

— За что?

— За установку сетей в заповедной зоне.

— Да? — возмутился гражданин-товарищ. — А у меня разрешение есть от самого товарища Объезжалова. К нам на соревнование приедет комиссия из центра. Мы должны накормить ее всеми видами рыб, которые водятся в наших угодьях.

— Но если у вас будут рыбные соревнования, рыбные спортсмены наловят рыбу. И можно ею накормить комиссию.

— А если не наловят? Мы не должны ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача. Так говорит товарищ Объезжалов.

— Колобок, — вскричала эмоциональная Колбочкина, — откудова им поймать рыбу, когда некоторые ставят сети?

Тут не выдержал военный пенсионер тов. Картонкин:

— А ну, позвать сюда этого Объезжалова! Если он, конечно, не ушоци.

— Никуда он не ушоци. Он отдыхаючи.

— Позвать его сюда. Мы сдадим его в милицию.

— В какую такую милицию? — сказал человек в трусах с лампасами. — Милиция — это я.

Он поднял с помоста милицейскую фуражку и надел на голову. Теперь, в фуражке и в трусах с лампасами, он сразу стал похож на представителя власти… в трусах и в фуражке.

— Так что идите отсюдова, пока я вас самих не арестовал.

— Ничего себе! — сказала потрясенная Колбочкина. — Некоторые на милиционера открытки посылают, а у некоторых есть личные милиционеры-рыбаки.

— Да вы знаете кто перед вами! — вскричал Булочкин. — Да это же сам Колобок. Немедленно позовите вашего Объезжалова товарища.

Тут в окошко плавучей гостиницы высунулся кучеряво-лысоватый товарищ лет сорока с хвостиком и сказал:

— Это кто хочет поговорить с товарищем Объезжаловым?

— Мы хотим! — смело ответил Колобок.

— Кто это мы? Из какой вы организации?

— Мы из организации НПДД.

— Это что-то железнодорожное?

— Нет, это неотложно-доброе.

— Тогда вы неотложно запишитесь ко мне на прием. Может быть, я вас приму в первом месяце второго квартала.

— А теперь вокруг! — скомандовал человек в трусах с лампасами. — Из заповедной зоны шагом марш!

— Колобок! — вскричал отчаянный Булочкин. — Давай возьмем их штурмом!

Военный пенсионер товарищ Картонкин удержал его.

— Нет! Штурмом мы их не возьмем. Мы возьмем их военной хитростью.

Но Колобок был не согласен.

— Нет, мы не будем брать их военной хитростью. Мы возьмем их народным гневом.

— Колобок! — сказала Колбочкина. — А где мы возьмем народный гнев? Тут и народа-то нет, одни туристы-гитаристы.

— А что? Туристы-гитаристы такие же люди, как и мы, только плохие. Если мы с ними поговорим как следует, они нам помогут.

— Шеф, — предложил Булочкин. — завтра будет рыбный праздник, народное гуляние, вот мы и обратимся к людям, вызовем народный гнев.

— Завтра все будут веселиться, и мы можем вызвать этот гнев на себя. Надо действовать сегодня.

Летучий отряд Колобка двинулся к стойбищу туристов-гитаристов. Там вовсю кипела жизнь: горели костры, ставили палатки, работали все радиостанции.

Колобок не стал терять времени даром. Он вскочил на ближайший пенек и произнес:

— Друзья!

— Тамбовские волки тебе друзья! — нестройно ответили туристы.

— Товарищи!

— Сибирские медведи тебе товарищи! — опять отозвались туристы.

— Верно! — вдруг согласился Колобок. — Тамбовские волки и сибирские медведи — это мои товарищи. Вся природа, все звери — мои товарищи. Да и ваши тоже. Они вас любят, они на вас надеются, они тянут к вам ручонки… с просьбой защитить.

— Какие ручонки! — сказал кто-то из туристов. — У них же лапы!

— Правильно, — подхватил Булочкин. — Правильно говорит этот товарищ с топором. У них лапы. Поэтому они тянут не ручонки, а лапчонки.

— И они говорят нам: «Друзья, на нас надвигаются ваши новостройки, ваши дороги и фабрики, ваши школы и детские сады, в которых учатся и отдыхают ваши дети. А где учиться и отдыхать нашим детям?»

— Как где? Вон сколько у нас просторов, — сказал другой турист.

А Колобок подхватил:

— Правильно, правильно говорит этот товарищ с пилой. Правильно, но неверно. Никаких почти просторов не осталось. Осталось лишь немного заповедников. Да и то есть отдельные отсталые начальники, которые нарушают заповедность заповедных мест. Они проводят там праздники, соревнования и даже ставят сети. Вон, видите сеть на половину озера.

— Так что завтра рыбы не будет и вы своим динамитом будете глушить не рыбу, а лесных комаров, — сказал военный пенсионер Картонкин.

— Хотите вы, чтобы на озере была рыба, а в лесу звери?

— Хотим! — закричали туристы.

— Хотим! — закричали рыбаки и охотники.

— Хотите ли вы нам помочь?

— Хотим!

— Есть у вас карты?

— Конечно есть! — вскричали туристы. — Вот они. Тридцать шесть штук — полная колода.

— Мне нужны карты местности! — ответил Колобок.

— Карты местности есть у меня, — сказал военный пенсионер Картонкин и раскрыл свою кожаную планшетку.

Они с Колобком на полчаса погрузились в карты. При этом они обменивались какими-то совершенно непонятными словами: «Ландшафт... пересеченная местность... горизонт... энтузиасты с веслами» и так далее.

— Все! — сказал наконец Колобок. — Решение созрело. Нам необходима лодка и два энтузиаста с веслами. Есть среди вас такие?

— Лодка есть, — ответили туристы, — весла есть, а вот энтих... зиастов нет. Кто это такие?

— Энтузиаст — это значит желающий, — объяснила Колбочкина.

— Это мы все желающие... смотря чего желать.

— Мне нужны помощники. Два помощника с веслами, — еще раз объяснил Колобок. — Будет небольшой заплыв километров на десять.

— Шеф, — удивился Булочкин, — а куда плыть-то? Озеро же круглое.

— Это озеро проточное! Сквозь него проходит речка Черная.

— Итак, товарищи туристы, — сказал Колобок теплым голосом. — Товарищи бывшие нарушители. Объясняю план действий. Ночью два энтузиаста с веслами, прикрываясь линией горизонта, воспользовавшись плавсредствами, плывут по водному ландшафту.

— Товарищ Колобок! — взмолились туристы. — Можно по-простому, по-народному?

— Можно. Ночью двое желающих с веслами незаметно подплывают на лодке к концу сети и закрепляют сеть на корме. И начинают тихо грести к выходу из озера к Черной речке. Так понятно?

— Так понятно.

— Один самый закаленный в трудах и походах человек...

— Это я! — вскричал военный пенсионер тов. Картонкин.

— Это вы... тихонько подкрадывается к причалу дома рыбака и отвязывает концы от берега. Ясно?

— Так точно.

— Остальные энтузиасты... то есть энту-туристы, берут длинные багры и шесты, встают вдоль берега Черной речки, и когда дом рыбака поплывет мимо, они будут изо всех сил...

— Колотить пассажиров шестами по голове!!!

— Ни в коем случае! Будут отталкивать плавучую гостиницу от берегов.

— Чтобы они, счастливые, скрылись в поворотах нашей матушки Тверцы! А потом затерялись в просторах нашей бабушки Волги, — поразилась лаборантка Колбочкина.

— Ни в каких просторах тетушек и бабушек они не скроются. Об этом уж лично позабочусь я сам.

— Ну, если сам.

— Если сам Колобок позаботится! — успокоенно заговорили туристы. — Второй раз заботиться уже не придется. Спасибо тебе, Колобок!

И вот наступил вечер. А потом и долгожданная ночь. Товарищ Объезжалов отдыхал. Его сон

охранял человек в милицейской фуражке и в трусах с лампасами. На этот раз на нем была еще надета телогрейка с погонами.

— Эй, товарищ Самоваров, как там на посту. Все тихо?

— Все тихо. Спите, наш дорогой руководитель.

— А что это, я слышу — весла поют.

— Это не весла поют, это соловьи скрипят.

— Это хорошо, когда соловьи скрипят.

И он засыпал дальше.

— А что это, товарищ Самоваров, мне кажется, будто наш домик качается.

— Это не домик качается, это озеро раскачивается. Рыбы в нем много, вот она играет.

— Это хорошо, когда рыба играет. Доиграется.

А рыбацкий домик все плыл по озеру к устью Черной речки. Колобок плыл в лодке с гребцами.

— Колобок, Колобок, мы устали, — говорили гребцы.

— Эх, вы. Давайте весла мне.

И Колобок, играя железными мышцами, повел лодку сам. И вот уже лодка вышла на широкий простор реки Тверцы, а за ней выплыл и рыбацкий домик с сетью. В домике крепким сном спали два человека: начальник — товарищ Объезжалов и его верный помощник и сопроводитель — товарищ Самоваров.

— Все, — сказал Колобок двум туристам-энтузиастам, — плывите обратно.

— А вы?

— А у меня еще есть дела. Мне срочно надо позвонить пс телефону одному приятелю. Мы с ним вместе учились на юридическом факультете.

Неожиданно для всех Колобок вывалился за борт и широкими гребками направился к широкому берегу широкой реки.

И вот к удивлению заспанных телефонисток сельской телефонной станции Колобок вошел в помещение.

— Девушка, дайте мне быстро Торжок.

Заспанные девушки недовольно заволновались:

— Сначала надо просохнуть, потом поздороваться, потом конфеты подарить, а уж потом Торжок заказывать.

Но когда они узнали, кто перед ними, они без лишних слов соединили Колобка с городом.

— Алло, это Торжок? — спросил усталый Колобок.

— Торжок, — ответили те телефонистки.

— Дайте водную милицию.

— Алло, это водная милиция? Дайте Матвеенко.

— Алло, это Матвеенко? Это Колобок говорит. Слушай Матвеенко, как у тебя с планом по браконьерству?.. Не дотягиваешь? Десяти процентов не хватает? Вот что, высылай на реку ребят, к тебе эти десять процентов сами плывут. С огромной сетью. Понял. И передай им привет. От кого? От Колобка, разумеется.

Довольный и счастливый Колобок положил трубку и запел свою любимую антипреступническую песню:

Если мы задумали

Преступника схватить,

Дорого преступнику

Придется заплатить.

Поняли преступники —

Кончена игра,

Надо им, преступникам,

Выйти со двора.

Мчат по переулочкам, не жалея ног,

Колбочкина, Булочкин и Колобок.

Следствие пятое ПРОПАЖА БЕЛОГО СЛОНА...

Неотложный Пункт Добрых Дел.

За этой суровой надписью скрывается довольно уютная комната. И если бы не микроскоп на столе, не радиотелефон, ни за что нельзя было бы догадаться, что здесь работает известный детский детектив — Колобок.

В соседней крошечной комнате размером с чемодан разместилась вся погруженная в химию и фотографию лаборантка Колбочкина. Ее работа — отпечатки, фотоснимки, справочные данные.

Все при деле. Колобок изучает «Основы арифметики». Колбочкина готовит чай на спиртовке. Булочкин отвечает на телефонные звонки. Он говорит:

— Аппарат Колобка у аппарата.

— Аппарат, аппарат! — в трубку говорят сразу два старушечьих голоса. — У нас во дворе какие-то варвары в футбол играют. Не дают нам белье сушить. Примите меры. Вы слышите?

— Булочкин слушает.

— Булочкин их скушает! — удовлетворенно говорит одна старушка другой и кладет трубку.

— Кто звонил? — спросил Колобок.

— Какие-то бабушки.

— Что хотели?

— Хотели сушить белье. А им кто-то мешает.

— Как в деревне! — сердито передразнил Колобок. — Какие-то бабушки! Кто-то мешает! Пожалуйста, когда берете трубку, первым делом представляйтесь. А потом спрашивайте, кто вам звонит.

Телефон зазвонил снова. Колобок сам взял трубку:

— Алло, Колобок вас слушает. С кем я говорю?

Выслушав ответ, Колобок встал навытяжку:

— Так точно. Будет выполнено.

— Это кто, генерал? Посылает на задание?

— Это бабушка. Посылает в магазин. Прошу подежурить за меня. Вы, Булочкин, остаетесь за старшего.

Колобок надвинул кепку на лоб, поднял воротник плаща, взял авоську и пошел.

Булочкин немедленно сел за его стол и открыл «Основы арифметики». Но не успел он прочитать и первой главы «Сложение слагаемых», как пришли посетители. Вернее, прибежали в избу дети. Булочкин даже не успел им представиться, как они закричали:

— А у нас что-то случилось, произошло.

— Что-то свалилось и ушло.

— Спокойно! — приказал Булочкин. — Давайте по порядку. Что у вас произошло? Куда это свалилось? И почему оно ушло?

— Нам всю детскую площадку кто-то разломал.

— Кто разломал?

— Мы не видели. Мы попрятались.

— Совсем ничего не видели?

— Кое-что видели, — сказали дети.

— Я сидел за забором и видел четыре колеса, — сказал самый маленький.

— А я была в собачьей будке и видела крылья.

Лаборантка Колбочкина решила вмешаться в разговор:

— Ребята, вот вам карандаш, бумага. Нарисуйте каждый, что видел.

Ребята уселись вокруг стола Колобка и зарисовали. Видно документальная живопись давалась им с трудом, потому что они рисовали целый час. Но в конце концов рисунки были готовы. Малыши

попрощались и ушли.

— Спасибо! — сказал им вслед Булочкин. — Вы оказали следствию неоценимую услугу.

Он немедленно приступил к составлению из отдельных кусочков загадочного летающего предмета. Лаборантка Колбочкина ассистировала ему.

Он морщил лоб, перекладывал рисунки так и эдак и рассуждал:

— Так, четыре колеса. Четыре пушки, направленные вниз. Шланг для дозаправки топливом в полете. Два крыла.

— Что же получается? — спросила Колбочкина. — Раскройте мне скорее глаза.

— Получается неопознанный летающий объект типа «ЛЕТАЮЩИЙ БУЛЬДОЗЕР», предназначенный для ломания детских игровых площадок.

— Откуда? — спросила пораженная Колбочкина.

Булочкин показал пальцем вверх:

— Инопланетянщина.

Как раз в эту миниту в НПДД вошел Колобок. Взглянув на рисунки, он все сразу понял:

— Это не инопланетянщина! Это бестолковщина! Эх, Булочкин, Булочкин, сами вы неопознанный летающий объект типа «бульдозер», предназначенный для ломания дров.

Он быстро переставил рисунки местами и потрясенные Булочкин и Колбочкина увидели, как «летающий бульдозер с дозаправкой в воздухе» превратился в обыкновенного слона. Причем слон, как мухами, был окружен большими воздушными шарами.

— Что же это получается? — рухнул на стул Булочкин.

— Получается очень интересное дело, — Колобок достал из стола тоненькую картонную папку и написал на ней:

«ДЕЛО О ПОХИЩЕНИИ БЕЛОГО СЛОНА ИЗ МОСКОВСКОГО ЗООПАРКА».

— Ну, это вы хватили, шеф! — возразил Булочкин. — Я в газетах ничего не читал и по радио ничего не передавали.

Колобок включил радиоточку и она сразу сказала:

— Внимание, внимание. Происшествие в Московском зоопарке! К сведению граждан, из зоопарка пропал слон. Будьте осторожны со слоном. Если вы что-либо знаете о расположении слона, сообщите нам немедленно. Не дразните слона, не кидайте в него разными предметами. Категорически не рекомендуется использовать слона на сельскохозяйственных работах. Школьники, если слон оказался у вас, не скрывайте его, а приведите обратно в зоопарк. Слоны — не игрушка. Передаем особые приметы слона: левое ухо больше правого, на нижний передний зуб надета золотая коронка. Передаем погоду на сейчас. Ветер северный, температура семь градусов, местами ниже ноля.

После этого сообщения Булочкин встал перед Колобком навытяжку:

— Шеф, какие будут конкретные распоряжения?

— Немедленно отправляйтесь в Московский зоопарк, в отдел кадров, поздоровайтесь и попросите документы на слона. Личное дело. Родословную. Фотографии три на четыре в профиль.

— Три на четыре метра, шеф?

— Три на четыре сантиметра, мы их раздадим всем помощникам.

— Шеф, а если мне не дадут личное дело?

Вместо ответа Колобок достал из ящика стола спецпистолет, стреляющий палочками с присосками на конце. Причем палочки были на леске и их можно было притягивать обратно.

Колобок прицелился в книгу, стоявшую на другом конце комнаты, и выстрелил в нее. Присоска прилипла к обложке. Колобок покрутил маленькую ручку на корпусе пистолета и притянул книгу к себе.

— Поняли намек, товарищ Булочкин?

— Так точно, шеф.

Булочкин получил пистолет, расписался в получении оружия и удалился в сторону зоопарка.

Только он ушел, как снова прибежали в избу дети.

— Дядя Колобок, а у нас снова случилось. К нам гражданин прилетел на воздушных шарах.

— Где он? — спросил Колобок. — Введите.

— Он там на площадке, на проводах висит.

Колобок открыл ящик стола, схватил другой спецпистолет, на ходу расписался в книге о выдаче оружия, крикнул Колбочкиной: «Принимайте дежурство», вскочил в седло мотоцикла с коляской и помчался в сторону поломанной детской площадки.

Над детской площадкой был салют. В проводах качался человек в окружении воздушных шаров. При каждом качании провода касались друг друга, и сыпались разноцветные искры.

Колобок спрыгнул с мотоцикла:

— Прошу всех отойти.

Он прицелился из спецпистолета и выстрелил. Присоска метнулась ввысь и впилась человеку в самое надежное место. Колобок начал крутить ручку на рукоятке пистолета и подтягиваться все ближе и ближе к человеку на проводах. Потом Колобок лег животом на провода и, постепенно выпуская леску, опустил человека в коляску мотоцикла.

Дальше, пользуясь тем, что леска была перекинута через провода, Колобок, постепенно стравливая ее, опустился вниз сам. Он отцепил присоску от человека, смотал обратно леску в пистолет и помчался назад в НПДД.

— Итак, рассказывайте, что вы делали на проводах?

Человек сделал глоток чая из чашки, поставленной Колбочкиной, и начал издалека:

— Я не хулиган. Я — сторож у зоопарка…

…Как обычно, в эту ночь он стоял на посту у ворот. Вернее, лежал, потому что обычно он стоял на посту у ворот, лежа на раскладушке.

Поздно ночью в ворота постучали.

— Кто там? — спросил сторож шепотом.

Ему тихо ответили:

— Гиппопотам.

Сторож повернулся на другой бок и снова заснул. Но стук повторился снова.

— Кто там?

В этот раз ответ был другой:

— Сто грамм!

Такой необычный ответ заинтересовал сторожа, и он открыл ворота. Никто не входил. Тогда он вышел на улицу. И тут его обстреляли воздушными шарами на присосках. Они прилипли к нему и подняли его в небо.

Взлетая, он увидел внизу двух человек. Одного белого во всем черном, другого черного во всем белом. Белый держал в руках автомат, стреляющий шариками. Черный возился с чемоданом.

— Шеф, — спросила Колбочкина. — Это радиостанция?

— Боюсь, что это компрессор. Он питает автомат шарами с присосками.

В эту секунду в НПДЦ вошел Булочкин:

— Шеф, — спросил он, увидев сторожа, — у нас новый сотрудник?

— Нет, Булочкин.

— Значит, вы задержали преступника?

— Ничего подобного, Булочкин. У вас странный взгляд на жизнь. По-вашему, люди или сотрудники, или преступники. Посмотрите на улицу. Видите, сколько народа идет. Кто они?

— Сотрудники? — спросил Булочкин.

— Нет.

— Преступники?

— Тоже нет. Это просто люди — труженики, дети, бабушки. И за их покой мы в ответе. Вы

выполнили задание?

— Так точно. Вот документы на слона. Я их лично... взял... выкрал в отделе животных кадров зоопарка.

— Так кто вы — сотрудник или преступник?

Булочкин побелел:

— Не знаю, шеф.

— Ладно, давайте дело.

Колобок открыл папку и прочитал:

«Слон индо-африканский, белый. Кличка Балдахин. Подарен нам правительством дружественной страны. Конфискован у колонизатора. Характер спокойный, африканический. Имеет слониху и слоненка. Жена — слониха Авоська. Особые приметы слона: обожает грузинский чай и витамин С в таблетках. При звуках индийской флейты теряет волю и ведет себя как загипнотизированный».

Получив эти сведения, Колобок задумался. В его голове, как всегда, сначала затуманилось, потом прояснилось.

— Все ясно! — сказал он. — Бывший владелец слона, бывший колонизатор, проник в нашу страну. Скорее всего под видом интуриста. С ним помощник. У них есть устройство, стреляющее воздушными шарами на присосках. Они проникли в зоопарк путем обстреливания сторожа шарами и отправки его на провода. Потом они подошли к вольеру со слонами. Обстреляли шарами слона. Когда он немного взлетел, взяли его под уздцы и повели, как аэростат.

— Шеф, — спросил Булочкин. — А как он очутился на детской площадке?

— Этого я не знаю, — ответил Колобок. — И для следствия это не имеет никакого значения.

Колобок, как всегда, был прав. Для следствия это не имеет никакого значения. Но для любопытства имеет. И я вам, ребята, расскажу.

Похититель слона и его помощник, а точнее слуга, вели слона, как аэростат. Утреннее солнце нагревало шары и слон взлетал все выше и выше. Тогда слуга с чемоданом забрался ему на спину. Но и это не помогло, слон взлетал, набирал высоту по-прежнему. Наконец он совсем взмыл в небо. Он летел этаким облаком над городом, а колониальный похититель летел за ним следом, держась рукой за хвост. Как Руслан за Черномором.

Иногда потоком воздуха их прижимало к земле, и тогда они ломали что-нибудь: гараж, беседку или детскую площадку. В конце концов они скрылись где-то в центре города.

— Начинаем действовать! — сказал Колобок.

— Сверим часы! — предложил Булочкин.

Часы шли так. Впереди часы Колобка, за ними с отставанием в одну секунду часы Булочкина, а следом тоже с отставанием в одну секунду часы Колбочкиной. Это их всех устраивало. Решили ничего не переводить.

— Вы, товарищ Колбочкина, обзвоните все гостиницы города и узнайте, не останавливался ли у них приезжий иностранец из Африки.

— Почему из Африки, шеф?

— У него слуга негритенок. Ясно?

— Так точно, шеф.

— А вы, товарищ Булочкин, соберите всех знакомых ребят и под видом сбора макулатуры прочешите весь город к северу от зоопарка.

— Зачем к северу? Мы прочешем во все стороны.

— Во все стороны не надо. Вспомните, какая на сегодня была объявлена погода.

— Ветер северный. Температура шесть-семь градусов выше ноля.

— Вопросы есть?

— Теперь нет. Под видом сбора макулатуры просмотрим весь город. Пылинка не скроется.

И операция «Найти белого слона» началась. Булочкин пошел поднимать молодежь, а Колбочкина

стала обзванивать гостиницы.

— Алло, это «Дом колхозника»? Скажите, не останавливался ли у вас колониальный иностранец со слугой? Нет, я не из МВД, я из НПДД. Спасибо.

— Алло! Это «Дом охотника»? Скажите, не останавливался ли у вас иностранный колонист со слугой? Нет, я не из КГБ, я из НПДД. Спасибо.

Город трудился и не подозревал, что Колобок включился в поиск. А если Колобок включался, выключить его не мог уже никто. Миллиметр за миллиметром продвигался он вперед к цели. В данном случае к слону по кличке Балдахин.

Колбочкина звонила в гостиницы. Булочкин с молодежью пяти-шести лет прочесывал город. А слон в это время стоял на крыше Большого театра позади известной квадриги. Иностранный похититель рассчитал все точно. Деловые москвичи бежали по своим делам, не поднимая глаза к небесам. Да и зачем им было смотреть вверх на крышу Большого театра, когда они этих лошадей сто раз видели. А иностранные туристы смотрели вверх и думали: «Молодцы эти русские. Какую скульптурную группу придумали — слон и лошади! Нет, такое может быть только в заснеженной России».

Тем временем в самый большой и самый центральный комиссионный магазин города вошел элегантный иностранец в сопровождении переводчика из «Интуриста».

— Хелло! — сказал иностранец.

— Хелло! — перевел переводчик.

Затем иностранец очень внимательно осмотрел все выставленные для продажи вещи: старинные самовары, люстры, сундуки, хрустальные вазы, фарфорового китайца, держащего зонтик вместо абажура над лампой, рыбу-пепельницу, набор театральных биноклей из перламутра и огромного фарфорового слона.

— Ето! — ткнул он пальцем в слона.

— Это! — перевел переводчик из «Интуриста».

— Завернитить! — продолжил иностранец.

— Завернуть! — объяснил переводчик.

После этого иностранец потребовал, чтобы слона ему доставили в гостиницу «Днепр» и чтобы ему выдали справку о покупке.

Справку ему написали быстро:

«Справка дана иностранному господину Хлорофосу в том, что слон приобретен в магазине. Слон — лучший подарок. Покупайте наших слонов».

А с доставкой было сложнее.

— Переведите ему, — сказал продавец, — что у нас доставки нет.

Переводчик попытался перевести это иностранцу, но у него ничего не получилось.

— Он этого не понимает! Он говорит: «Моя твоя не понимай. Продавали — доставляй».

Они повернулись и вышли из магазина.

В НПДД Колбочкина докладывала Колобку.

— Шеф, я навела справки. В гостинице «Днепр» проживает белый иностранец, очень похожий на колонизатора, с черным слугой. Сегодня они собираются улететь в 14.00 из аэропорта Домодедово.

— Установите наблюдение за гостиницей «Днепр».

— Наблюдение установлено, шеф.

— Когда это вы успели?

— А тут и успевать нечего. Ее видно из окна.

И верно, двадцатидевятиэтажное здание гостиницы «Днепр» видно было из любой точки города.

— Что сообщает Булочкин?

— Булочкин ничего не сообщает, помалкивает.

— Что это значит?

— Это значит, что он забыл радиоспикер.

Тут зазвонил обычный телефон на столе у Колобка.

— У аппарата Колобок.

— Колобок, Колобок! — раздался бодрый голос Булочкина. — Прочесали всю Москву. Чешем дальше в сторону Ярославля.

— Что слышно о слоне?

— Слона нет. Но макулатуры завались. Три машины собрали. Какие будут указания?

— Прекратить чесание... причесывание... Отставить прочесывание! Булочкин, немедленно перебирайтесь в сторону аэропорта Домодедово.

— Есть! — ответил бодрый Булочкин и моментально изменил направление движения.

— Шеф, — спросила Колбочкина. — Вы уже их раскусили?

— Нет, — ответил Колобок. — В моей версии не хватает одной детали.

— Шеф, — вскричала Колбочкина. — Из окна гостиницы «Днепр» на двадцатом этаже вылетела зеленая ракета. Теперь хватает?

— Почти! — сказал Колобок. — Заводите мотоцикл. Едем.

— В Домодедово? — спросила Колбочкина.

— Нет, в аптеку.

И тут зазвонил телефон. Колобок бросился к трубке.

— Колобок, Колобок, у нас пропажа! — сказал растерянный голос.

— Ценная?

— Очень.

— Так звоните в милицию.

— Колобок, Колобок. Но она какая-то странная. У нас не товар пропал. У нас клиент пропал. Купил фарфоровое изделие и исчез.

— Слона? — закричал Колобок. — Он купил слона?!

— Совершенно верно. Слона фарфорового уцененного.

— Найдется ваш покупатель. Звоните вечером... Нет, нет, не так. Хватайте вашего слона и срочно

приезжайте в аэропорт Домодедово!

Он бросил трубку и бросился в мотоцикл.

— В аптеку? — спросила Колбочкина, которая была за рулем.

— В Домодедово!

Мотоцикл взревел и побежал по парку.

А по небу бежало облако в виде слона. На облаке сидело другое облако в виде человека с чемоданом. У облака в виде человека с чемоданом в руках было облако в виде автомата, стреляющего облачками в виде шариков. Это слуга белого человека по сигналу зеленой ракеты перегонял слона с крыши Большого театра в аэропорт Домодедово.

В Химках Колобка задержало огромное колхозное стадо, переходившее дорогу. Колобок не раздражался, а радовался.

— Поднимается сельское хозяйство!

Перед Домодедово они подхватили Булочкина на шоссе. У въезда в аэропорт Колобок на секунду соскочил с седла.

— Я на секунду, в аптеку.

— Наверное, будет горячая схватка! — вычислил Булочкин. — За бинтами побежал. Будем врагов бинтовать и в гипс укладывать.

Но Колобок выбежал из аптеки с большой стеклянной банкой с витаминными таблетками.

— Ему витаминов захотелось, а мы время теряем! — тихо сказал Булочкин Колбочкиной. — Есть слабости у шефа.

— Это не слабости, — ответила Колбочкина. — Это сильности. Таблетки нужны для слона.

В это время в аэропорту шла посадка на самолет. Пассажиры проходили таможенный досмотр.

— Что у вас? А что у вас? — вежливо спрашивали вежливые таможенники иностранцев. Самым дотошным был пожилой работник с золотым зубом.

— А у нас ничего! Совсем ничего! — вежливо отвечали вежливые иностранцы вежливым таможенникам. — Так, мелочи.

— А конкретнее?

— Я чай грузинский везу для своих. Два ящика.

— А я матрешек пятьдесят штук для детишек.

— А я запасные части для трактора!

— Очень хорошо. Проходите, пожалуйста.

— А что у вас? Почему вы тикаете?

— Я везу будильники. Это лучшие в мире будильники «Заря». Я закупил их для продажи в своем магазине в Швейцарии.

— Очень хорошо. Тикайте на здоровье. Чем больше вы заберете у нас будильников, тем лучше.

— А что у вас?

— А у меня лучший в мире слон. Я закупил его для продажи в своем зоомагазине в Ньюсландии.

Там большая нехватка слонов.

«Ничего себе! — подумал таможенник. — Тридцать лет здесь стою, а такого не видел».

— А есть у вас справка на приобретение слона?

— А как же! Бой! — иностранец в черном костюме протянул руку, и слуга-мальчик в белом костюме подал ему бумагу.

Таможенник снял фуражку с головы и стал ею обмахиваться. Слон, мирно стоявший сзади, поймал фуражку и сжевал. Таможенник достал огромный платок. Слон взял его за кончик и тоже сжевал. Таможенник совсем растерялся. Он стал обмахиваться справкой. Слон ухватил за кончик справку и тоже запихнул ее в рот.

— А там не было круглой печати! — сказал таможенник. — Она недействительна.

— Там была круглая печать! — спорил иностранец.

Они спорили, кричали, заглядывали слону, в пасть. Но постепенно таможенник стал сдаваться. Он увидал у слона большой золотой зуб и хотел закричать:

— А есть у вас справка на золотой зуб? На его вывоз? Но потом вспомнил, что у него самого есть золотой зуб без всякой справки, и замолчал.

— Проходите! — понуро сказал он.

Иностранец гордо прошествовал со слоном в зал для вылетающих пассажиров. За ним, волоча огромный чемодан на колесиках, прошел мальчик-слуга. Около ларька с мороженым слуга остановился, но хозяин грубо толкнул его носком ботинка.

В это самое время мотоцикл Колобка подлетал к площади около аэропорта. Колбочкина вела его с недозволенной скоростью. Поэтому дежурный дружинник перед площадью кинулся наперерез и встал, преграждая спецжезлом путь Колобку.

Жезл был сделан в виде метрополитеновской лопаточки с красным кружком посередине. Колобок выхватил пистолет с присосками и, почти не целясь, выстрелил в эту лопаточку. Он быстро потянул за леску и вытащил лопаточку из рук дружинника. Путь был свободен.

И вот уже перед нами встает такая картина. Трап у самолета. Пассажиры начинают посадку. У трапа стоит иностранец, поставив ногу на чемодан-компрессор, и черный слуга чистит ему ботинки. Под уздцы Хлорофос держит белого слона. Представители Аэрофлота со страхом глядят на трап — выдержит ли. Хлорофос не сомневается. Он уверен, Аэрофлот все выдержит.

А около забора бегает Булочкин с банкой, полной витамина С в таблетках. Он старается привлечь внимание слона.

— Кис! Кис! Кис! — кричит Булочкин. — Цып! Цып!

Слон не реагирует.

— Слон! Слон! Слон! — кричит Булочкин. — Рыб! Рыб! Рыб!

Тогда Колобок выхватил свой пистолет, выстрелил Балдахину прямо в золотой зуб и тихонько повернул голову слона в сторону Булочкина.

Затем он схватил банку с витамином С и бросил таблетки длинной дорожкой к слону.

Слон радостно затрубил и от таблетки к таблетке двинулся к выходу с летного поля. Еще секунда, и он у нас.

Но колонизатор не так-то прост. Он выхватил из нагрудного кармана флейту и стал играть на ней. Слон притормозил, замер и как загипнотизированный пошел за импортным господином. Спиной вперед он идет шаг за шагом по передвижному трапу в самолет.

Свой спецпистолет выхватил Булочкин:

— Эх, во флейту я не попаду! Промажу!

Он выстрелил в основание трапа и присоска впилась в нижнюю ступеньку. Булочкин стал накручивать леску. И трап стал отъезжать от самолета. Когда иностранец собрался сделать последний шаг в самолет, он рухнул вниз со своей флейтой. И слон снова побежал к таблеткам. Все на аэродроме замерли. Хлорофос, хромая, встал и снова заиграл на флейте. Полилась прихрамывающая музыка, и слон, прихрамывая, опять повернулся к Хлорофосу.

Хлорофос подвинул трап к самолету. Показал дежурному у трапа кулак и опять направился вверх.

Еще секунда и он уйдет. И слон уйдет. И будет подорвана репутация Колобка. Но тут мальчик-слуга раскрыл чемодан-компрессор, достал автомат и на глазах у всех изумленных дал очередь из воздушных шаров по своему господину.

Облепленный шарами угнетатель под собственную музыку плыл по воздуху. За ним погнались вертолеты.

Слон подхватил мальчишку-слугу хоботом и радостно помчался к выходу с аэродрома. А на аэродром прибыл продавец фарфоровых слонов с фарфоровым слоном.

В этот день многие видели, как из аэропорта Домодедово в сторону Москвы шел слон, ведя на прицепе мотоцикл. На большом слоне сидели: Колобок, Булочкин, Колбочкина и мальчик-негритенок с шарикострелятельным чемоданом.

А когда вертолеты догнали и приземлили Хлорофоса, таможенник с большим удовольствием вручил Хлорофосу фарфорового слона.

Потом, когда иностранец снова проходил таможенный досмотр, в животе у слона рентгеном обнаружили большую коллекцию марок, монет и японской старинной скульптуры.

Но об этом уже отдельный рассказ с участием Колобка.

Следствие шестое КОЛОБОК ПРОТИВ ДЕБИЛЕНКО

По всей Москве уже давно наступило раннее летнее утро и только в Краснопресненском детском

парке запутались остатки темноты.

Знаменитый сыщик Колобок проводил в НПДД совещание с сотрудниками. Если вы не забыли, НПДД — Неотложный Пункт Добрых Дел. Колобок — великий сыщик, друг детей. Его сотрудники Колобки — это военизированный помощник Булочкин и лаборантка с химическим уклоном Колбочкина.

Колобку было тесно. По нем плакала Европа, а он занимался в Москве мелочами. Он тигриным шагом метался из угла в угол помещения, которое было совсем небольшим. Весь НПДД был размером с кабину лифта из хорошего дома.

В комнате было тепло и уютно, как-то очень по-домашнему. Пахло кофе и подожженной манной кашей. Однако Колобок был очень сух и чрезвычайно официален:

— Удивительное дело, — говорил он. — Преступность в нашем парке с каждым днем падает, а преступников становится все больше и больше.

— Что же тут удивительного! — сказала Колбочкина. — Преступностью в нашем парке командует директор товарищ Надежный. Он пишет на главной доске, что она падает. А преступниками командуем мы, мы их ловим. Вот их все больше и больше становится.

— Не очень-то мы их ловим, — добродушно проворчал Колобок. — Кривоватый тип Дебиленко, который кошек и собак на шапки переводит, до сих пор еще не найден. Из музея боевой славы нашего парка похищена боевая шашка командира товарища Крылатенко. Нет ни шашки, ни преступника.

Колобок сделал несколько мягких, тигриных, почти неслышных шагов. Неслышных потому, что он был в валенках.

— Скажите мне, товарищ Булочкин, как вы будете смотреть в честные глаза наследников нашего командира? Они, можно сказать, оторвали шашку от семьи для нашего музея, а мы за ней не уследили.

Дисциплинированный Булочкин покраснел. Он не знал, как ему смотреть в честные глаза наследников.

— А вы как будете смотреть, товарищ Колбочкина?

— Зажмурившись, — нашлась верная помощница.

— Разве что, — сказал Колобок. — Да, — печально подвел он итоги, — нет ни острой шашки, ни преступника.

— Их надо брать по отдельности, — твердо сказал Булочкин.

— Почему, — удивился Колобок.

— Вместе они очень опасны.

И тут в дверь позвонили. Колобок схватил большое увеличительное стекло и стал рассматривать разбитую форточку, лежавшую у него на столе.

— Войдите.

Вошла строгая сухощавая гражданка пенсионерно-спортивного вида. Она была в кедах, в тренировочном костюме и с открытым зонтом.

— Караул! — тихо кричала она. — Двойной караул!

— Почему двойной? — поразился Колобок.

— Ребенка украли, — объяснила продуктовая спортсменка. — Уже второй раз.

— Гражданка Четверухина, — строго сказал Колобок. — Мы уже с вами знакомы по аналогичному делу. Вы уверены, что его украли? Может быть, он сам от вас сбежал.

— Уверена, уверена.

— Но кому он нужен?

— Такой ребенок всем нужен. Это же будущий Эйнштейн. Будущий академик, гордость страны. Тысячи научных открытий в оборонной сфере.

— Почему в оборонной сфере? — спросил Колобок.

— Он с танками не расстается.

— Шеф, — сказал военизированный Булочкин, — я чувствую руку иностранной военщины.

— Да? — ехидно сказал Колобок. — В прошлый раз вы чувствовали руку инопланетянщины и что же оказалось?

Булочкин виновато заморгал глазами, но продовольственная спортсменка поддержала его:

— Этот продолговатенький товарищ прав. Ребенка украла военщина.

— Отставить споры! — сурово приказал Колобок. — Начинаем действия. У нас есть три преступления. Похищение мальчика — раз. Это вы, Булочкин, берете на себя. Пропажа сабли товарища Крылатенко — это два. Это я беру на себя. И кривоватый тип Дебиленко, который переводит собак и кошек на шапки, — это три. Это для вас, товарищ Колбочкина. И имейте в виду, это очень опасный тип. По нему давно уже плачет милиция.

— Шеф, я имею план. Я прикрепляюсь к гражданке Четверухиной, — сказал Булочкин. — Мы вместе ведем поиски.

— Отлично.

— Я отправлюсь в командировку по всем помойкам, — сказала Колбочкина. — Там больше всего собак. И там будет этот кривоватый тип.

— Отлично, — согласился Колобок. — А я отправлюсь в музей боевой славы нашего парка на пару часов.

— Шеф, вы будете там экспонат? — спросил верный Булочкин.

— Я буду заседант. То есть я буду там сидеть в засаде.

— Ага, — поняла Колбочкина. — Преступник всегда возвращается на место преступления. И тут-то вы его цап и хватаете за обе руки!

— Ничего подобного! — возразил Колобок. — Следите за моей мыслью. Преступник похитил саблю товарища Крылатенко. Сабля очень опасная штука. Ею можно порезаться. А ножны он не взял. Значит, он придет за ножнами. Вот тут-то я его и задержу.

— Колобок, Колобок, — сказал Булочкин. — А может быть, сабля тупая.

— Булочкин, Булочкин, вы когда-нибудь рубили капусту? Разве можно рубить капусту тупой саблей?

— Нельзя. Ничего не выйдет.

— А товарищ Крылатенко рубил не капусту, а головы врагам революции, которой он верно служил, пока его не расстреляли. Так что сабля у него должна быть в сто раз острее.

— Его расстреляли белые? — спросил Булочкин. — Которым он рубил головы?

— Нет. Красные. Но к сабле это не имеет отношение.

— Шеф, — прервала свою задумчивость Колбочкина, — а как я узнаю преступника Дебиленко, по которому плачет милиция?

— У него такие приметы. Правое ухо больше левого. На груди татуировка: «Как мало прожито, как много сделано!». И от него сильно пахнет псиной.

— Я никогда не нюхала псину, — сказала Колбочкина. — Эх, была бы у нас служебно-розыскная собака, нам было бы много легче.

— Булочкин, сколько стоит сейчас на рынке хорошая собака? Лучше всего щенок.

— Дорого, шеф, рубля три. Я приценялся.

— Ой, — закричала гражданка Четверухина, — у моего мальчика Леши есть замечательная собака. Я ее все время хотела выбросить из дома. Теперь я ее вам подарю.

— Немедленно дарите, — сказал Колобок.

— Немедленно не могу. Ее украли вместе с мальчиком.

— Ладно. Все по рабочим местам! — приказал Колобок. И запел вполголоса свою любимую песню, песню о силах разума в Москве.

Когда общественность слаба,

Когда уже бессильна пресса,

Тогда для нас трубит труба,

Для нас — защитников прогресса.

В этой песне был такой припев:

Если спросят, мы ответим,

Что желаем счастья детям,

Каруселей и зверей

И незапертых дверей.

Лаборантка Колбочкина уже третий час исследовала помойки и антисанитарные ларьки, но все безрезультатно. Ее постепенно охватывала грусть, переходящая в печаль.

— Три часа жизни долой и никаких результатов. Колобок меня за это по головке не погладит.

И верно, из своего пионерского детства Колобок вынес всего один лозунг, но какой: «Пионер, не теряй ни минуты!». А она потеряла уже целых сто восемьдесят минут.

И тут ей навстречу вышел мороженщик Коржиков с тележкой.

— Товарищ мороженщик, — спросила Колбочкина, — где вы приобрели такую красивую шапку?

Мороженщик Коржиков считал себя человеком России, более того, человеком Земли и даже человеком Вселенной. Он всегда говорил так, словно на него смотрят все жители Москвы одновременно.

Он говорил заголовками газет:

— Шапки шьют люди! К следующему году дадим каждому человеку по шапке! Не шапка красит человека, а человек красит шапку!

— Вот я и спрашиваю вас — кто красил эту шапку? — спросила Колбочкина. — Назовите фамилию.

— Краска не валится с неба! Животных красит природа. Это же натуральный соболь или типичный бобер!

— Сами вы, гражданин, натуральный соболь или типичный бобер. Это же типичная собака, крашенная под соболя.

Продавец Коржиков снял шапку, внимательно рассмотрел ее, даже лизнул ее и завопил на весь парк заголовками криминальной хроники:

— Мафия проникла в народ! Обман подстерегает нас на каждом шагу. Преступники среди нас. Берегите ваших четвероногих друзей!

— Не кричите так громко, — сказала Колбочкина. — Лучше опишите этого человека. Как он выглядит, какие у него уши, во что одет, что у него написано на груди?

— Что у него написано на груди, я не знаю, — сказал Коржиков нормальным голосом. — Я его не

читал. Уши у него холодные. На лице у него написано, что он жулик. И выглядит он так же. Он все время трется здесь, около помоек.

— Зачем же вы у него покупали шапку?

— А затем, что он продает очень дешево. Не то что в магазинах. Магазины сошли с ума! Лучше растить цены, чем урожай!

С этими многозначительными словами он укатил свою тележку в глубь парка.

— Все ясно, это действует кривоватый Дебиленко, — поняла Колбочкина и твердо решила, что никуда не уйдет из помоек, пока не задержит и не обезвредит этого кривоватого Дебиленко.

Тем временем постепенно закончился день и к парку подступил мокроватый вечер. Посетители покидали аллеи и детские площадки. В лотках и палатках гасли огни. А в музее боевой славы, наоборот, зажегся яркий свет. Ночной сторож — продавец мороженого Коржиков — обходил помещение. Он сторожил музей за полставки и поэтому готовился ко сну на всю катушку. Он тихонько напевал свою любимую сторожевую песню:

Наши экспонаты —

Пушки и гранаты,

Седла лошадиные,

Сабли, кивера...

И картины славные,

Где солдаты справные

На врага бросаются

С криками «Ура!».

Дальше шел припев, который особенно нравился Коржикову:

Мы, сотрудники музея,

Не устанем повторять,

Что не пустим ротозея

Экспонаты охранять.

Во втором куплете Коржиков был согласен с каждым словом:

Ох как портит нервы

То, что есть шедевры,

Что к сигнализации

Не подключены.

И администрации

О сигнализации

Мы сигнализировать

День и ночь должны.

А третий куплет ему совсем не нравился, он был какой-то каркающий:

Мне без прекращенья

Чудятся хищенья,

И под подозреньем

Каждый, кто вошел…

Если пионерчики

Стащат револьверчики,

Как же это кончится

Все нехорошо…

Не зря он беспокоился. Пока он пел, к нему в тележку залез какой-то тип.

Едва он допел последний куплет, как в помещение неслышными рысьими шагами вошел Колобок.

— Насчет пионерчиков я не уверен, — сказал он, — а вот таких людей, как кривоватый тип Дебиленко, вам опасаться стоит.

— Стой, кто идет! — закричал заголовками Коржиков. — Музей — это звучит гордо! Музей — это не кабаре! Документы на полку! Почему люди приходят по ночам!

— Я Колобок! — сказал Колобок. — Вот мое удостоверение. А прихожу я ночью потому, что имею ключи от всех помещений. И по моим сведениям, в ваш музей собирается явиться один очень опасный преступник.

— Сам Колобок! — закричал Коржиков. — Событие московского масштаба! Гиганты идут к простому народу! Человек-легенда посещает музей.

— А вы почему здесь? — спросил Колобок. — Вы же по утрам торгуете мороженым.

— Это верно, — согласился Коржиков незаголовочным голосом. — Вон стоит моя тележка. Здесь я на полставки. Внуку на «варенку» коплю.

Все-таки он не удержался и снова закричал заголовками:

— Дети наших детей — это наши дети. «Варенка» — двигатель прогресса. Пенсия хорошо, а зарплата лучше. — Но закончил он совсем уж пессимистически: — Наши внуки — это наш путь на кладбище.

— Отставить разговоры! — приказал ему Колобок. — Скажите лучше, кто это подставил лестницу к вашему окну?

— Я не ставил.

— Кто подпилил затворы на окнах?

— Я не пилил. Тут крутился один ремонтник.

— Все ясно. На вас готовится нападение, это не ремонтник, а жулик. А вы песни поете. Немедленно гасим свет и сидим в засаде. Есть у вас оружие?

— Да тут полны стены оружия. Мы же музей боевой славы.

— Это экспонаты, их трогать нельзя, — сказал Колобок.

— Некоторые можно, — возразил Коржиков. — Вон, например, лежат гантели славного русского полководца Суворова. Их можно трогать сколько хочешь. Или вот, например, чугунный утюг

генерала Багратиона. Да тресни ты им жулика по башке, он сразу шелковым станет.

— Ой, слышу лестница скрипит! — закричал Колобок. — Выключаю свет. Ложись.

Свет погас и в неярком свете луны стало видно, как какая-то тень как-то несколько коревато проникла сквозь окно в помещение музея.

— Ага, попался! — закричал сторож Коржиков и бросился вперед.

Он вступил в бой с тенью, подставил вошедшему ножку и все время подбадривал себя криками:

— Шестьдесят лет на боевом посту не пропали даром! Ни шагу назад, позади Москва! Преступники не уйдут от расплаты!

Коржиков хоть и был почти пенсионер, но был здоров как бык.

— Сам ты преступник! — вдруг послышался голос Булочкина. — И еще балда!

Колобок опешил и немедленно зажег свет.

— Товарищ Булочкин, что вы здесь делаете? — строго спросил он.

— Преступника ловлю, — ответил Булочкин. — Мы с гражданкой Четверухиной бежали ради жизни перед сном. Вдруг я вижу — в музее свет горит. К окну лестница приставлена. Вот я и подумал, что здесь преступник, и полез его задерживать. А этот мороженный тип как стукнет меня чем-то.

— Не мороженный тип, а типичный мороженщик! — возразил Коржиков. — И не чем-то, а гантелями полководца Суворова.

— А потом как добавит какой-то железякой!

— Не железякой, а утюгом генерала Багратиона, — сказал он. — Теперь его придется в починку нести.

— Я боюсь, что в починку нести придется товарища Булочкина, — сказал Колобок. — Я его понесу в перевязку в НПДД, а вы сидите здесь и ждите настоящего преступника.

Когда Колобок и Булочкин удалились, Коржиков подумал про себя: «Чего это я буду сидеть и ждать преступника здесь, когда я его боюсь. Я буду сидеть и караулить его на улице. Там, по крайней мере, народ ходит».

И он вышел из помещения на улицу. А как только он вышел, из его тележки вылез какой-то замороженный тип с черным чулком, натянутым на лицо. В чулке были только прорези для глаз и ушей. Он вытряхнул из-за шиворота иней, вынул из кармана мешок и приступил к осмотру музея.

— Так, дорогие начальники, — говорил он, — посмотрим, что у вас здесь имеется. Во-первых, ножны для сабли. Это мы берем. Это нам необходимо. Во-вторых, я вижу чугунную пушечку. Нет, ее мы не возьмем. Это огнестрельное оружие, за него дают десять лет. Вот орденов мы наберем целый карман. И на грудь повесим сколько влезет.

Кривоватый тип Дебиленко, а это, как вы догадались, безусловно был он, нацепил себе полную грудь орденов. Среди них был орден за взятие Измаила в... году и три медали «Мать-героиня». Получалось, что он, кривоватый тип Дебиленко, лично нарожал двадцать семь человек детей. Да, не зря у него на груди была нарисована надпись: «Как мало прожито, как много сделато!».

И тут на его беду в окне появилась вечерняя спортсменка гражданка Четверухина. С криком: «Товарищ Булочкин, куда это вы подевались?» — она просто упала на растерянного Дебиленко.

— Я не Булочкин, — ответил он ей.

— А кто вы такой? — подозрительно спросила она. — И что вы делаете в нашем парковом музее?

— Я здесь экспонат, — ответил Дебиленко. — Вон у меня сколько орденов на груди.

— Интересный экспонат, — сказала гражданка Четверухина. — Экспонат в женском чулке! От кого вы скрываете свое лицо?

— А может, я застенчивый, — говорит кривоватый тип. — Может, я не хочу красоваться перед посетителями. А может, я олицетворяю неизвестного героя. А может, я памятник неизвестному солдату.

Но гражданку Четверухину провести было не так-то просто. Она схватила со стены казацкую пику и закричала во весь голос:

— Руки вверх.

А потом добавила:

— И ноги тоже!

Кривоватый тип без всякого спора рухнул на пол и поднял вверх руки и ноги. На шум с улицы прибежал продавец-сторож Коржиков.

— Ага, попался, дорогой товарищ! — радостно закричал он.

— Тамбовский волк тебе товарищ, — мрачновато ответил Дебиленко.

И тут только Коржиков рассмотрел его. Он снова закричал лозунгами:

— Негритянский преступник похищает боевую славу! Америка шлет к нам своих худших сынов! Сегодня грабят парковые музеи, завтра начнут грабить школы!

— Никакой он не негритянский, — сказала гражданка Четверухина. — Он просто матерый. Надо

сдать его в милицию. Для начала надо приковать его к этой вот чугунной пушке.

— Вот и отлично, — согласился сторож. — Мы прикуем его наручниками маршала Рокосовского.

Он взял наручники, в которых когда-то водили знаменитого маршала, и приковал ими Дебиленко к пушке.

— Вы стойте здесь и охраняйте его, — приказала гражданка Четверухина. — А я пойду пока позову милицию, если она не спит.

Она вышла из музея быстрыми спортивными шагами, а сторож Коржиков подумал про себя: «Чего это я буду караулить его здесь, когда я его боюсь. Лучше я буду караулить его на улице. Там хотя бы народ ходит».

Потом он произнес вслух, чтобы нейтрализовать преступника:

— Пойду-ка я покурю на свежем воздухе. Этот тип все равно никуда не денется. С пушечкой он далеко не уйдет. Он просто с места не сдвинется.

«Да? — решил про себя преступник. — Не уйдет? Не сдвинется? А вот еще как и уйдет. Не хотел я брать эту огнестрельную штуку, да сама жизнь заставляет».

Пушка была вовсе не тяжелой. Он легко поднял ее, взвалил на плечо и вместе с пушкой ступил на лестницу. Лестница сразу же сломалась, и Дебиленко с пушкой и со страшным треском упал на мягкий газон.

Как только он упал на мягкий газон, в музей вошло много милиции, сторож Коржиков, гражданка Четверухина и даже сам Колобок.

— Упустили! Упустили! — схватился за волосы Колобок. — Позор на мою седую голову!

И тут за голову схватился сторож Коржиков:

— Пушка пропала.

И все сразу поняли, что с этого момента ситуация чрезвычайно осложнилась. Вместе с пушкой и саблей преступник становился в три раза опасней.

Ночь кривоватый Дебиленко провел в кустах. Было холодно и мокро. Тени жались по углам. Но теней он не боялся. У него в руках была пушка. Когда наступило утро, Дебиленко выбрался из кустов и направился в сторону ближайшей мастерской металлоремонта.

Первым человеком, который шел ему навстречу, была Колбочкина. Она шла на утреннее совещание в НПДД и ничего не знала о ночных событиях.

— Гражданин, гражданин! — строго сказала она. — Почему вы разгуливаете с огнестрельной пушкой по улицам?

— Я не разгуливаю, — нахально сказал Дебиленко. — Я несу ее в ремонт. Это экспонат. Видите, пушка уже совсем износилась.

И святая Колбочкина поверила проходимцу.

На совещании Колобок был сердитым. А Булочкин перебинтованным. Присутствовала и гражданка Четверухина.

— Подведем итоги, — говорил Колобок. — Похвастаться нечем. Кривоватый тип Дебиленко не обнаружен. Ножны сабли товарища Крылатенко на месте, но пропала знаменитая пушка крестьянских волнений имени Степана Разина. Пропавший мальчик Леша даже нигде не проявился.

Он своим любимым тигриным шагом прошелся по комнате.

— Булочкин, доложите о проведенной операционной работе. Чем вы занимались?

— Бегал ради жизни.

— Это мы уже проходили, — сказал Колобок.

— Получил записку: «Принесите в парк на пристань хлеб и яблоки жаркур».

— И что такое жаркур? — спросил Колобок.

— Не знаю точно, но думаю, что это Железный Армейский Курок.

— Жаркур — это жареная курица, — вмешалась лаборантка Колбочкина.

— Потрясающе, — сказала гражданка Четверухина. — Я срочно пойду домой готовить жаркур. Это может спасти моего мальчика от военщины. Булочкин, за мной.

— Булочкин, — тихо позвал Колобок. — Когда жаркур будет готов, вы устроите засаду около пристани. Как только военщина придет за жаркуром, схватите ее и доставьте сюда.

— Шеф, а если военщина схватит меня?

— Тогда не сдавайтесь и пускайте вверх ракеты. Вот вам ракетница, которую я незаметно взял из музея боевой славы нашего парка.

— Шеф, а разве можно брать оружие из нашего музея.

— Не только можно, но и нужно, — сказал Колобок. — Наш музей так плохо охраняется, что из него скоро все растащат. Пусть уж лучше оружие попадет в наши руки, чем в руки преступников.

Как только Булочкин и Четверухина вышли из комнаты, в разговор вступила лаборантка Колбочкина:

— Шеф, а пушка крестьянских волнений не пропала. Я сама видела утром, как ее несли в ремонт.

— Кто нес? — впился в нее Колобок. — Особые приметы, рост, вес?

— Я не помню точно, — сказала Колбочкина. — Но может быть, кто-нибудь еще, кроме меня, видел этого типа с пушкой.

— Отличная мысль. Немедленно отыщите мне мороженщика Коржикова, — приказал Колобок. — Он лично приковывал этого типа к пушке наручниками маршала Рокосовского.

Скоро Колбочкина вернулась в НПДД вместе с Коржиковым, и Колобок снова приступил к допросу.

— Мне кажется, вы оба видели одного и того же человека. Только вы, товарищ Коржиков, видели его в музее, прикованного к пушке, а вы, товарищ Колбочкина, видели его на улице с пушкой в руках. Будем составлять словесный портрет. Готовы?

— Готовы.

— Лицо у него было такое? — Колобок показал обложку служебного журнала.

— Нет. Совсем нет, — сказали свидетели.

— Такое? — Колобок показал кувшин, расширяющийся кверху.

— Нет.

— Так может быть, такое? — Колобок вытащил помойное ведро и перевернул его вверх дном. На пол посыпался мусор, но зато в этот раз пришла удача.

— Точно, — закричала Колбочкина.

— Во-во. У него была такая морда, — сказал Коржиков.

— Не надо крепких выражений, товарищ Коржиков, — сказал Колобок. — Ведь мы с вами воспитанные люди. Теперь поговорим об ушах.

Он приставил к ведру по бокам две обеденные тарелки.

— Уши у него были такие?

— Нет, — в один голос закричали свидетели.

— Так может быть, такие? — Колобок приставил к ведру два чайных блюдца.

— Нет, — снова сказали Коржиков и Колбочкина.

— Так может быть, такие? — Колобок приставил с одной стороны ведра тарелку, а с другой — чайное блюдце.

— Точно! — в голос завопили свидетели.

— Это он, — закричала Колбочкина. — Я узнаю его.

— Все ясно, — подвел итоги Колобок. — Это есть кривоватый тип Дебиленко, по которому плачет милиция. И который кошек и собак на шапки переводит. Как вы помните, у него одно ухо больше другого. — Колобок подвел итоги: — Следственный эксперимент закончен. Теперь осталось самое легкое — надо поймать этого дважды преступника.

— Трижды преступника, — сказал Коржиков. — Он, пока сидел у меня в тележке, бесплатно пятьдесят пачек мороженого съел. И всю тележку пропах псиной.

— И самое печальное, — сказала Колбочкина, — что этот преступник хорошо вооружен: саблей и целой пушкой.

Колобок и Колбочкина остались в НПДД продумывать план операции по захвату кривоватого Дебиленко, а Коржиков пошел по парку со своей тележкой, выкрикивая лозунги:

— Преступники едят мороженое на глазах у милиции!

— Артиллерия на службе уголовщины!

— Авторитет Колобка висит на волоске!

В это время в другом конце парка, около пристани, на берегу сидел с удочкой маленький мальчик. Рядом с ним сидела маленькая собачка Бобик.

— Бобик, Бобик, как есть хочется, — говорил мальчик.

Бобик слегка подскуливал ему.

— А что, Бобик, — спрашивал мальчик, — может, вернемся к бабушке?

Бобик испуганно оглядывался.

— Не хочешь, Бобик? Вот и я не хочу. Давай вместе терпеть. Я думаю, сегодня моя записка сработает и бабушка принесет еду в парк.

Сзади мальчика около мусорных бачков что-то загремело, почти загрохотало. Это появился кривоватый Дебиленко с пушкой. Он буквально весь шатался от усталости.

Дебиленко зашел на пристань и сказал:

— Ну все. Надоела мне эта пушка. Сейчас бросаю ее и все, и концы в воду.

И конечно же, он сам полетел в воду вслед за пушкой, потому что крепко-накрепко был прикован к ней наручниками.

— Караул! — закричал Дебиленко. — Тону!

Хотя вода была ему всего-навсего по колено.

— Дядя, дядя, — сказал Леша, — держитесь за мою удочку.

Он помог дяде выбраться из воды.

— Ой, дядя, а я где-то вас видел.

— Все так говорят, — ответил Дебиленко. — «Это не вас ли разыскивает милиция?». «Это не вас ли разыскивает милиция?» И все потому, что я много снимаюсь в кино.

Он тут же перешел к делу:

— Ой, какая собачка. Она очень похожа на шапку. Отдай ее мне.

— Ни за что. Это мой Бобик.

— «Мой, мое, моя, мне!» — передразнил Дебиленко. — Все всё к себе тянут. Эх, Россия, до чего тебя докатили! Давай уходи отсюда!

— Почему? Я здесь рыбачу.

— А я здесь охочусь. Это мое место.

— Интересно, — спросил интеллигентный мальчик Леша, — на кого это вы охотитесь и из чего? Из пушки?

— На кого надо, на того и охочусь, — сказал Дебиленко. — И не из пушки, а из капканов. У меня и сабля здесь спрятана.

Он вытащил из-под мусорного бачка большую длинную саблю товарища Крылатенко.

— Ой, — сказал Леша, — знаете на кого вы теперь похожи с пушкой и саблей?

— На кого? — гордо спросил Дебиленко.

— На Бармалея из книжки Чуковского.

— Эх, если бы не пушка, я бы тебе показал, — сказал Дебиленко. — Я бы тебя догнал и отлупил. Слушай, как ты думаешь, что крепче — сабля или наручники?

— Я думаю, сабля крепче, — сказал Леша.

— А вот мы сейчас проверим, — сказал Дебиленко. — А ну-ка вдарь саблей по наручникам. Я сам никак не могу, у меня правая рука пушкой занята.

Леша взял саблю, как следует размахнулся и вдарил по цепочке наручников. Конечно, она перерубилась.

— Что я говорил? — сказал Леша. — Сабля крепче.

— А теперь, мальчик, — заявил Дебиленко, — беги отсюда, пока я тебя самого саблей не вдарил. И забирай своего недорезанного Бобика. Понял?

Он говорил очень зло, и Леша понял, что он не шутит. Мальчик собрался уходить, но тут послышался газетно-плакатный голос Коржикова:

— Московское мороженое — лучшее мороженое в Москве. Человек сильнее судьбы! Судьба сильнее человека!

Коржиков остановился и даже удивился сам:

— Ничего себе! И так и так правильно получается.

Кривоватый тип Дебиленко схватил Бобика за ошейник и спрятался за помойку. Он тихо сказал Леше:

— Если про меня будут спрашивать, смотри помалкивай! А то от твоего Бобика одна шкурка останется.

Он приставил саблю к шее Бобика, показав, как он с ним поступит, и засунулся с головой в мусорный бачок. А подошедший продавец Коржиков стал спрашивать у Леши:

— Мальчик, а мальчик, ты здесь не видел такого типа, по которому давно плачет милиция?

— А как он выглядит? — спросил Леша.

— Очень просто. Его легко узнать. Он выглядит, как ведро с ушами.

— Нет, — ответил Леша. — А почему о нем плачет милиция?

— Он из музея саблю украл и пушку крестьянских волнений имени Степана Разина. А я этот музей по ночам охраняю. И теперь с меня спросят в десятикратном размере.

— А почему вы сюда пришли?

— Я буду здесь засаду устраивать, — объяснил Коржиков. — Пушка ему совсем ни к чему. Он наверняка сюда придет, ее на помойку выбрасывать.

— А это не ваша пушка? — спросил Леша.

— Ой, конечно, моя! — радостно завопил Коржиков. — Вещи обретают хозяев! Сюрприз на помойке! Помойки помогают людям! Слушай, мальчик, — обратился он к Леше. — Я оставлю здесь тележку с мороженым. Ты покарауль ее. А сам я быстро добегу до музея, оттащу эту пушку. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Леша.

Радостный Коржиков убежал, держа пушку как маленького запеленутого ребенка. И тут из помойки вылез кривоватый Дебиленко весь в очистках и шелухе.

— На получай свою мочалку, — бросил он Бобика мальчику. — И сиди теперь здесь сколько хочешь. А я пойду отвезу тележку этому достойному труженику эскимо. Этому славному гражданину полусторожу-полупродавцу.

Он на секунду задержался и предостерег:

— Только вот сюда, за эти бачки, не заходи. У меня тут кое-что приготовлено для опасных бродячих собак.

Это были волчьи и лисьи капканы.

Колобок тем временем проводил очередное оперативное совещание. На совещании было не очень много народа. Всего двое — Колобок и Колбочкина.

— Прошло уже двадцать четыре полновесных часа, — говорил Колобок, — а преступники все еще на свободе. И мальчик Леша не найден. Какие у вас мысли по этому поводу, товарищ Колбочкина.

— У меня такие мысли по этому поводу, — сказала Колбочкина. — Пойти в милицию, взять взаймы служебную собаку Мухтара и посадить ее около парковых помоек. Когда преступник придет туда ловить собак и кошек для перевода их на шапки, собака Мухтар схватит преступника Дебиленко.

— Хороший план, — сказал Колобок. — Но не забывайте, что преступник вооружен саблей и пушкой, а Мухтар вооружен только зубами.

— Значит, вместе с Мухтаром мы возьмем взаймы милиционера с пистолетом.

— Ни за что. Мы должны действовать сами. Это наш уровень. У милиции есть дела посложнее.

Как раз в эту секунду в НПДД влетел заголовочный Коржиков с новыми заголовками:

— Караул! Сегодня пропала тележка, завтра пропадет страна! Преступность выходит из помоек!

— Объясните спокойно, что случилось, — попросил Колобок.

— Спокойно не могу! — кричал Коржиков. — Тележка пропала с моим любимым мороженым-эскимо. Ее украли.

— Кто украл?

— Не знаю. Я оставил ее с мальчиком на помойке. А когда вернулся, мальчик был, тележка исчезла.

— Опять помойка! — задумался Колобок. — Это слово что-то слишком часто стало встречаться в нашем следствии. Надо эту помойку как следует обдумать.

Дверь НПДД снова распахнулась. На пороге стояли Булочкин и гражданка Четверухина.

— Докладывайте, — попросил Колобок.

— Докладываем, — сказал Булочкин. — Жаркур готов!

Он произнес это с таким повышенным энтузиазмом, что Колобку вспомнилось пионерское детство. Ему захотелось встать, сделать салют и ответить: «Всегда готов!» Но Колобок сдержался и сухо сказал:

— Отлично. Берите жаркур и отправляйтесь на пристань в засаду. Если на вас нападут, не забывайте про ракетницу. Кстати, скажите, Булочкин, где находится эта пристань?

— Как где? — вмешалась гражданка Четверухина. — Да около парковых помоек. Там она и

находится. Оттуда мусор забирают на специальную мусорную баржу.

— Помойки, опять помойки, — простонал Колобок. — Чует мое предчувствие — там происходит что-то очень нехорошее. Пожалуй, я лично должен осмотреть это загадочное место.

На пристани было тихо. Леша и Бобик, как только заслышали шаги Булочкина и бабушки, сгибавшейся под тяжестью курицы, залегли в высокой траве.

— Вот мы и пришли, — сказал Коржиков. — Будем делать засаду на военщину.

— Странное место они выбрали для передачи продуктов. Кругом помойки, значит, крысы бегают.

— Чего же вы хотите, — сказал умный Булочкин. — Военщина и шпионщина всегда связаны с помойщиной и крысинщиной.

— Ракетница у вас заряжена? — спросила гражданка Четверухина.

— Заряжена.

— Тогда кладите курицу на пристань и прячемся за этими бачками.

Как только они положили жаркур на доски пристани и удалились, Леша шепотом приказал Бобику: «Взять!».

Бобик подбежал к курице, схватил ее зубами и поволок в сторону от пристани.

Булочкин и бабушка Четверухина хотела побежать за ним, но не смогли, оба попали в капканы, поставленные Дебиленко на собак.

— Стой, стрелять буду! — закричал Булочкин. И выстрелил в Бобика из ракетницы. Конечно, он промахнулся. А бабушка Четверухина кинула в Бобика свободной от капкана туфлей и конечно же попала. Бобик бросил курицу, и вдвоем с Лешей они уползли в другую часть парка по высокой траве.

— До чего враг хитер! — сказал Булочкин. — Под собаку замаскировался.

— Это не враг хитер, это мой внук хитер, — ответила бабушка. — Это он собаку научил. Гениальный ребенок. Зря я ему запрещала собаку заводить.

Колобок был прав своим предчувствием. Около пристани разворачивались очень серьезные события. Булочкин и гражданка Четверухина сидели в капканах, прикованных к бачкам, и нюхали помоечный воздух. Кривоватый тип Дебиленко направлялся туда же с украденной у Коржикова тележкой. И был он тщательно замаскирован: имел усы и бороду и был с замотанной щекой, как известный подпольщик Иванов-Ленин в 1917 году.

— Так, — говорил Дебиленко, — мороженое я продал. Другой бы на моем месте эту тележку выкинул бы. А я ни за что. Мне эта тележка сто раз пригодится. Я буду в ней пойманных собак перевозить. А чтоб ее никто не узнал, я ее перекрасил. Теперь она незнакомого фиолетового цвета и написано на ней «Пиражки».

Он был так доволен собой, что почти плясал от радости:

— Купил я в аптеке яду, насовал в эти пирожки. Буду около помоек разбрасывать. Теперь все собаки и кошки мои.

Мальчик Леша шел ему навстречу и говорил Бобику:

— Ой, Бобик, как есть хочется. Ой, смотри, Бобик, тележка с пирожками. Дяденька, вы не дадите пирожки в долг?

— Это как в долг? — удивился Дебиленко.

— А так. Скоро моя бабушка принесет жареную курицу и я вам отдам.

— Послушай, мальчик, — спросил Дебиленко. — А ты меня не узнаешь?

— Нет, — ответил Леша. — А вы кто?

— Я дедушка Мазай. А здесь, в тележке, мои пирожки с зайчатиной. Тебе я, пожалуй, не дам, а вот Бобика твоего угощу.

— Мой Бобик не будет есть прирожки с зайчатиной, — сказал Леша. — Ему зайчатину жалко. То есть зайцев.

— А вот мы сейчас проверим, — сказал замаскированный Дебиленко и бросил Бобику два пирожка.

— Бобик, нельзя брать у чужих! — приказал Леша. Но Бобик не послушал и быстро проглотил пирожок.

Бобику стало плохо. Он заскулил, заплакал и стал ложиться на землю.

— Бабушка! — заревел Леша, как пароход, который приезжал по утрам за мусором. И тут раздался жуткий гром. Это прибежали гражданка Четверухина и Булочкин вместе с прикованными к ним бачками.

— Держись, Леша! — кричала бабушка.

— Караул! — сказал сам себе кривоватый Дебиленко. — Надо сматываться.

Он быстро покатил свою «пиражковую» тележку к выходу из парка.

Около самого выхода из парка навстречу ему выступила встревоженная Колбочкина.

— Гражданин с тележкой, а гражданин с тележкой!

— Ну что? Ну я гражданин с тележкой.

— Предъявите документы! — сурово сказала она.

— Почему?

— Потому что вы очень похожи на одного типа, которого разыскивает милиция.

— Чем похож?

— Головой похожи. Ушами похожи.

— Ничего общего, — возразил Дебиленко, — ваш тип без тележки, а я с тележкой. Я пирожки продаю. Вот возьмите. Видали вы бандитов, которые продают пирожки.

Колбочкина взяла пирожок, понюхала его, но все равно сказала:

— И все-таки предъявите документы.

— Да я ветеран! — закричал Дебиленко. Он распахнул пальто. — Вон у меня сколько орденов на груди. Да я весь израненный. Вон у меня сколько ран на груди. — Он распахнул рубашку.

— А что это у вас на груди написано, товарищ ветеран?

— «Как мало прожито, как много сделато!» — прочитал сам себя Дебиленко. Он схватил тележку и побежал дальше к выходу из парка.

А Колбочкина стояла и думала: «Какой-то странный лозунг типа призыва. Где-то я его уже видела».

Она думала целых десять минут и она вспомнила: «Да это же я читала на стенде „ИХ РАЗЫСКИВАЕТ МИЛИЦИЯ“».

Колбочкина достала радиопереговорное устройство и сказала в микрофон:

— Колобок, Колобок. Я только что упустила кривоватого Дебиленко. Я стою около ворот парка, рядом с объявительной доской.

— Ждите меня! — закричал Колобок. — Считайте до пятидесяти. Я иду к вам вместе с Мухтаром. — Колбочкина не успела досчитать и до сорока девяти с половиной, как появился Колобок с Мухтаром на поводке.

— Вот, — гордо сказал Колобок, — взял взаймы у милиции на пару недель. У них с кормами плохо. Докладывайте.

Колбочкина доложила о происшедшем и показала Колобку вещественное доказательство — «пиражок». Колобок бросил пирожок на землю и скомандовал:

— Мухтар, нюхай! Мухтар, след! Мухтар, взять!

Но Мухтар не понял приказа. Он съел пирожок и облизываясь радостно смотрел на Колобка. Вдруг он заскулил, закрутился на месте и изо рта у него пошла пена.

Колобок вытащил рацию и закричал:

— Скорая ветеринарная помощь! Скорая ветеринарная помощь! Экстренный вызов, отравление служебной собаки.

Как раз в это время подошел мальчик Леша с Бобиком на руках. И ветеринарная скорая помощь забрала собак вместе.

Прошло два дня.

В этот раз на производственном совещании Колобок был мрачнее тучи. Он докладывал сотрудникам:

— Хвастаться нечем. Мухтар в больнице, Бобик при смерти, преступник Дебиленко на свободе.

— Шеф, — сказал Булочкин. — Это поражение. Нам придется уходить в отставку или переходить в другой парк, где нас еще не знают.

— Ни за что! — возразил Колобок. — От постоянных поражений мы становимся все крепче и крепче. Потому что постоянно учимся.

— Я абсолютно согласна с Колобком, — сказала Колбочкина. — На ошибках учатся. А мы так хорошо учимся, что у нас одни ошибки.

— Сегодня Дебиленко будет взят! — сказал Колобок.

— Будет поголовная облава? — спросил Булочкин. — Будем брать всех?

— Будет хорошо продуманная операция под названием «Доктор Колобков». Преступник будет доставлен на дом.

— Кем? Милицией? — спросил Булочкин.

— Нет. Самим собой.

— Но почему, шеф? — спросил Булочкин.

Вместо ответа Колобок протянул ему центральную московскую газету «Вечерний парк».

— Читайте. — Всю? — испугался Булочкин.

— Нет. Объявление в игривой рамке на последней странице.

Булочкин прочитал:

«Вывожу надписи-татуировки специальной жидкостью. Особенно на груди. Исправляю ошибки. Доктор Колобков. Обращаться в кооператив „Звездочки“ в Краснопресненском парке».

— Шеф, но ведь это обман, — сказал Булочкин. — Мы же не умеем выводить татуировки.

— Это не обман. Это военная хитрость. Зато когда его посадят в тюрьму, он сможет в окошко видеть звездочки. И это будет правда. И у нас теперь вывеска над дверью другая!

— Шеф, а почему он придет?

— Потому что за ним много преступлений. Внешность можно менять. А надпись на груди — особая примета. В первой же бане его захватят наши боевые товарищи пенсионеры.

Раздался стук в дверь.

— Ну что, будем брать или будем либеральничать? — спросил Колобок.

— Будем брать, — решился Булочкин.

Дверь открылась и вошла гражданка Четверухина с судками. Все как навалились на нее. Судки так и покатились во все стороны. Особенно разлился суп.

— Вы что, с ума сошли? — закричала Четверухина. — Я вас полюбила как родных, я вам еду принесла. И котлеты для Бобика. Я его иду навещать, а вы на меня набросились.

— Это мы не на вас набросились, — объяснила Колбочкина. — Это мы на опасного преступника

набросились. Мы в засаде сидим. Он сейчас придет. Это кривоватый Дебиленко с саблей.

— А вы смело идите навещать Бобика, — предложил Булочкин.

— Нет, уж лучше теперь я смело останусь здесь. Я никуда не пойду. Я боюсь этого вашего кривоватого Дебиленко с саблей.

В дверь снова постучали. На этот раз вошел такой уютноватый дедушка в валенках на босу ногу и с усами а ля «молодой Буденный, вьетнамский вариант». Он обратился к присутствующим с таким особым кино-крестьянским акцентом:

— Скажите любезные уважаемые господа, здеся проживает дохтур Колобков?

— Проживает он дома, а работает он здесь! — смело и решительно ответил Булочкин. — А вы кто такой?

— У меня надпись на груди.

— И что же у вас там написано?

— Это военная тайна. Ее нельзя читать посторонним. Что надо, то и написано. Дайте мне специальную жидкость на дом.

— Да что же у вас там такое написано? — удивилась Колбочкина. — Может быть, «Не забуду мать родную», а может быть, вообще что-нибудь ругательное?

— У меня написана шифровка генерального штаба. Ее писали для конницы Буденного. Это когда я служил личным шифровальщиком товарища Ворошилова.

— Протяните руки, товарищ шифровальщик! — сурово приказал Колобок.

— Зачем? Вы дадите мне жидкость?

— Я вам надену наручники, гражданин Дебиленко. Ваша игра проиграна!

Гражданин Дебиленко, а это именно он скрывался под видом уютного дедушки, прыгнул вверх и каратистским ударом разбил настольную лампу Колобка.

Все начали скользить и падать на пролитом супе. А кривоватый Дебиленко кричал:

— Не подходите ко мне, я психованный. У меня сабля.

Когда наконец в домике снова зажегся свет, все увидали кривоватого Дебиленко, крепко-накрепко привязанного к стулу резиновыми подтяжками. А Колобок ходил, придерживая штаны руками.

— Унести его в милицию и сдать там вместе со стулом! — приказал Колобок. — Операция «Доктор Колобков» окончена.

Колбочкина и гражданка Четверухина с удовольствием потащили кривоватого Дебиленко в участок.

Булочкин был в очередной раз потрясен:

— Шеф, я все в жизни понимаю. Но я не могу понять, как это вы не испугались подойти к нему и связать его, ведь у него была сабля, засунутая в валенок.

— Булочкин, Булочкин, думать надо. Ведь у него была не простая сабля, а сабля товарища Крылатенко. А товарищ Крылатенко был боевой командир, он шутить не любил. У него была сабля полуторного размера. Ею не то что рубить в НПДД невозможно, ее из ножен-то вытащить нельзя: потолок мешает.

А через несколько часов в НПДД зашли мальчик Леша и гражданка Четверухина с большим тортом в руках. Она сказала:

— Колобок, Колобок, мы хотим подарить вам то, что больше всего необходимо вам в вашей опасной и сложной работе.

— Торт! — сразу понял решительный Булочкин.

— Да ничего подобного! — закричала гражданка Четверухина и открыла крышку.

Под крышкой сидела живая и здоровая собака Бобик. Она радостно и во весь голос сказала:

— ГАВ!